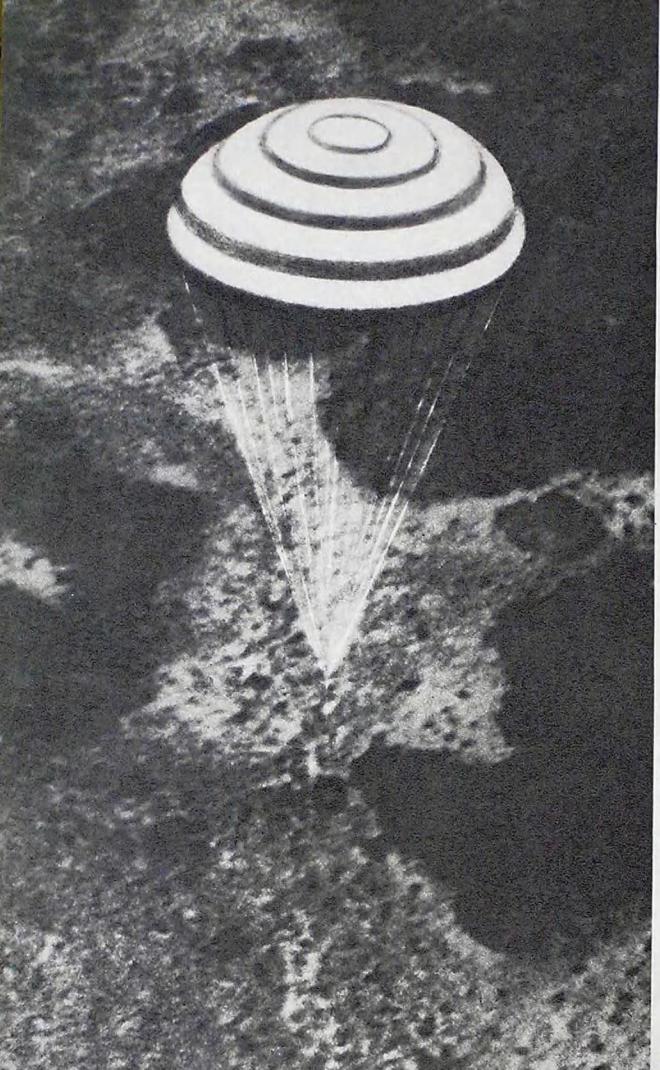

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 42 ОКТЯБРЬ 1980

Спускаемый аппарат космического корабля «Союз-37».

ДОРОГА ДЛИНОЮ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года
№ 42 (2779)
18 ОКТЯБРЯ 1980

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1980

Космонавты В. В. Рюмин [слева] и Л. И. Попов после приземления.

Фото В. Кузьмина и В. Зыбина [ТАСС]

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

В ПОЛГОДА

Завершился космический полет Леонида Попова и Валерия Рюмина. Спускаемый аппарат круто пошел на снижение. Кончалась навесомость, в теле обоих космонавтов появилось ощущение, казалось, давно забытого...

См. стр. 4.

Во время переговоров.

СОВЕТСКО-СИРИЙС

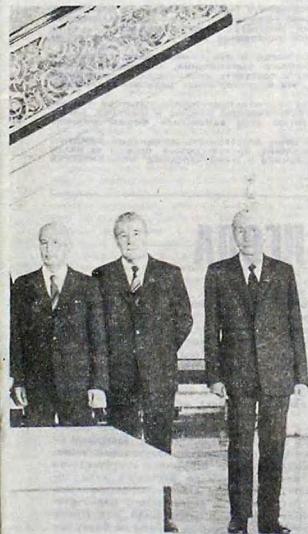
Подписание советско-сирийского Договора о дружбе и сотрудничестве.

Проводы на аэродроме.

КОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

По приглашению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР в сентябре 1980 года в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находился Генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), Президент Сирийской Арабской Республики Хафез Асад во главе партийно-правительственной делегации.

Во время визита состоялись переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым, членом Политбюро ЦК КПСС, заместителем Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихоновым, членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС А. А. Громыко, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Б. Н. Пономаревым, заместителем Председателя Совета Министров СССР И. В. Архизовым, начальником Генерального штаба Вооруженных сил СССР, заместителем министра обороны СССР Маркомином Советского Союза Н. В. Огариковым и Генеральным секретарем ПАСВ, Президентом САР Х. Асадом, членом Руководства ПАСВ, Председателем Совета Министров САР А.-Р. Касмом, заместителем Генерального секретаря ПАСВ З. Машарики, членом Руководства ПАСВ, заместителем Председателя Совета Министров, министром иностранных дел САР А. Х. Хаддадом, членом Руководства ПАСВ, заместителем Предсе-

дателя Совета Министров САР по экономическим вопросам А. К. Касимом, заместителем Председателя ПАСВ, министром обороны М. Тасасом, членом Центрального руководства Прогрессивного национального фронта Д. Нааме, членом Центрального руководства Прогрессивного национального фронта А. Османом, министром труда и социальных дел САР Ю. Дикуйданом.

В ходе переговоров, проходивших в духе дружбы и взаимопонимания, был проведен обстоятельный и плодотворный обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития советско-сирийских отношений, положения в Ближнем Востоке и по другим международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Учитывая достигнутый уровень советско-сирийских отношений и желая поднять их на новую, еще более высокую ступень, стороны решили заключить Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Сирийской Арабской Республикой. Договор о дружбе и сотрудничестве между ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым и Генеральным секретарем ПАСВ, Президентом САР Х. Асадом. Им было подчеркнуто важное политическое значение этого документа в планах дальнейшего укрепления и углубления советско-сирийского сотрудничества.

Фото А. Гостева

Фото В. Мусазельяна и Э. Песова (ТАСС)

Во время вручения премии.

ВРУЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕМИИ «ЗОЛОТОЙ МЕРКУРИЙ» Л. И. БРЕЖНЕВУ

За выдающийся вклад в укрепление мира и развитие международного сотрудничества Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу присуждена международная премия «Золотой Меркурий» за мир и сотрудничество. 13 октября в Кремле состоялось торжественное вручение премии.

Обращаясь к Леониду Ильичу Брежневу, президенту почетного Международного комитета премии «Золотой Меркурий», заместитель министра внешней торговли СССР А. Д. Комаров сказал:

Ассоциация международной премии «Золотой Меркурий» признала решение наградить Вас выдающимся вкладом в укрепление мира и развитие международного сотрудничества почетной премией «Золотой Меркурий».

Известие о Вашем награждении несомненно вызовет одобрение всех людей доблести и чести.

Бывший вице-президент исполнительного секретаря исполнительного комитета премии «Золотой Меркурий» Л. Галло сказал:

Уважаемый господин Президент!

Мы выражаем высокую честь от имени исполнительного комитета международной премии за мир и сотрудничество «Золотой Меркурий» вручить Вам эмблему «Золотой Меркурий».

Изображение на этой эмблеме события представляет и честь и глубокое удовлетворение, поскольку это признание распространяется на Вас и весь народ великой страны Советов, Социалистических Республик — народ, который всегда находился в авангарде борьбы за свободу, дружество, сотрудничество трудящихся всего мира.

Разрешите поклонять Вам, чтобы Ваш труд в пользу разрядки был завершен успехом, к которому Вы, господин Президент, и весь советский народ так стремились.

Под приветственные аплодисменты присутствующих генеральный секретарь исполнительного комитета международной премии вручил Леониду Ильичу Брежневу эмблему «Золотой Меркурий» и диплом.

Мы, в Советском Союзе, подчеркнули он, всегда видели в разрядке международных конфликтов и в мире международных наций — средство и способ свободы, и в будущем, несомненно, останется им.

В наше неспокойное время, когда в руках нескольких государств сосредоточено средства массового уничтожения, способные лишить жизни сотни миллионов людей и поставить цивилизацию современного человечества на краешек, эта миротворческая роль международной премии «Золотой Меркурий» становится все более важной.

И черезвычайно вклад тех, кто, противостояя политическим наименованиям, способствуя развитию этого замечательного формата мирного общения народов.

Позади я весьма высоко ценю деятельность ассоциации международной премии «Золотой Меркурий», присуждающей премии за вклад в развитие национальной экономики и международных экономических отношений.

См. 2-ю стр.
обложки.

Пройдут недели, месяцы. Отдохнет экипаж, вернется к своим повседневным делам и заботам. Будут написаны отчеты, обработаны плаки. Обсчитаны и осмыслиены результаты этого долгого полета. Но память о нем, равно как память о людях, еще глубже, перенесут в высоту совершившегося счастья и высоту совершившегося вида...

В начале марта, недели за четыре до расчетной даты старта новой длительной экспедиции на станцию «Салют-6», серьезно по-вредил ногу космонавт Лебедев — парашютист Томас. Но космонавты, окруждавшие явились предложение направить в полет снаряженную Ромину — если, конечно, согласится... ведь минуло только семь с половиной месяцев, как завершился

ДОРОГА ДЛИНОЮ В ПОЛГОДА

его предыдущий, шестимесячный полет.

Он дал согласие. Понимал: снова надоело вдеться от родины. Снова надоело в пространство станции, где пол и потолок — лишь условные понятия, просто придуманные для сохранения твоих земных ощущений и привычек, а та — плоскости, сплошь пестрящие пульками и приборами, руками, ноктами, лампочками, тумблерами, экранами. Снова несомненно, борьба с которой только в ежедневной тяготой физической нагрузки, которую Станиславко вдохнул. Но он дал согласие.

Однажды я прочитал о группе ленинградских селекционеров, которые в блокаду, умирая с головой, берегли для будущих поколений запасы отборных сортов зерна. Это было подобно тому, как засевают скотину, пряткиненный, растянутый на девятисотенной шкале времени. Сейчас, глядя на улыбающиеся лица только что вернувшихся из полета Леонида Попова и Валерия Рюминя, я неожиданно вспоминаю про тех ленинградцев. Впрочем, неожиданно ли?

Этот полет протекал внешне с той степенью риска, что обычно с ним идет работа, но скромной, эпизодической, астронавтической. Эксперименты, наблюдения, съемки, настройка приборов, занятия физкультурой,ведение документов, радиопереговоры, телефонратки, встреча экспедиций, посещения грузовых кораблей, прием и размещение гостей, что шло по программе. Конечно, отклонения от нее случались, ну, да программа не догма, не свод законов. В нынешние времена она составляется в расчете не столько на безукоризненную исполнительность человека на борту, сколько на его знания, интеллект, инициативу.

Не было на этот раз столь острых ситуаций, как та, что спровоцировала сама завершением полета. Вспомним, как буквально за день до расчетной даты посадки на станции не отстыковалась антенна космического радиотелескопа, что поставило под угрозу возможность работы на борту орбитальной дальнейших экспеди-

чин. Выяснилось, что есть единственный выход — это высадка в открытый космос. И все было сделано Рюминым мастерски. Событие это, несомненно, войдет в историю космических полетов отдельной главой.

С тех пор прошло более года. Орбитальная станция «Салют-6» уже ветеран, перенесший все предыдущие испытания, но, естественно, так сказать, второе поколение у станции открылось не по назначению создателей. Удивительная ее жизнеспособность была заложена изначально. Как принцип, как техническая идеология.

Мы беседуем с руководителем полета Алексеем Станиславовичем Рюминым.

В ваших документах, — говорит он, — было первоначально записано, что станция должна активно функционировать полтора года. Причем это заключение сделали на основании наземных экспериментов и испытаний, которые демонстрировались в основном ресурсами, работающими на борту. Таких, как, например, система управления, бортовый комплекс, система торможения, ориентации солнечных батарей.

Перед тем, как покинуть станцию, экипаж выполнил ремонтно-восстановительные работы. Снималась и заменилась выработавшая свой ресурс аппаратура, проводились проверки. Заменились ориентаторы, заменились датчики, заменились системы ориентации, связи, фильтры вредных примесей, регенераторы, поглотители углекислоты, газоанализаторы. И это все только перед завершением полета. А сколько подобных операций выполнили космонавты за свои полеты! Вы знаете, например, что в один из дней во время второго длительного пребывания на борту этой станции был впервые установлен телевизионный приемник. Все мы были довольны. Но сколько времени прошло с той поры... И вот теперь Попов и Рюмин провели серьезную работу по настройке приемника и получению качественного цветного изображения. Откровенно говоря, такой приемник входит в программу на земной подготовки. Но на борту были два инженера с превосходной общеинженерской подготовкой, зру-дийцами и золотыми руками.

Бортинженер первой долговременной экспедиции на «Салют-6» Георгий Гречко, вернувшись из полета, посоветовал, что на борту нет пальмового масла, а есть пальмовое масло. Тогда Рюмин сказал: «Вот бы был у нас токарный станок...»

В общем, экипаж начал вести в полностью исправном состоянии, пригодной для последующей эксплуатации.

Мы можем говорить о том, что это длительная экспедиция по эффективности работы отличается от предыдущей.

— Всегда ли исследователи остались в целом теми же. Возросли не только эффективность, но и интерес к работе, естественно, взаимосвязано. Принчип тому было накопление опыта всех трех предыдущих экспедиций.

Важную роль сыграл и личный опыт бортинженера Валерия Рюмина, который изучил станцию, многое изучил, естественно, взаимосвязано. Принчип тому было накопление опыта всех трех предыдущих экспедиций.

Понадеши еще несколько данных, говорящих об объеме выполненных экипажами работ. С помощью инфракрасной видеотехники, созданной МКБ-6 было сделано около трех с половиной тысяч снимков земной поверхности, из которых, конечно, — шесть изображений. Благодаря наблюдениям в съемном кабинете, экипажи сумели определить места, перспективные на будущий полезных ископаемых, с помощью которых можно было зарегистрировано около сотню тысяч спектров атмосферы и земной поверхности. Каждый спектр было отведено на изучение на борту. Важно при этом, что эти спектры, полученные с помощью съемок сопровождались наземными съемками с самолетов или океанографами. А также на земле для геофизических исследований. Проводились же и астрофизические, геодинамические, и медицинские и технологические, еще в большом объеме.

Алексей Станиславович, как вы думаете, Валерий уступил этот раз большой чаре, во время предыдущего полета?

Я задавал ему этот вопрос. Он сказал, что устал примерно одинаково. Состояние у обоих космонавтов хорошее, более подробно вам об этом могут рассказать врачи. Я тоже добавил, что два дня до посадки экипажам предстояло выполнить задачи по разрешению и проведение дополнительного эксперимента по исследованию земной атмосферы. Мы согласились: вспомнили — разрыв в экипаже есть.

А вот что рассказывает доктор медицинских наук Иван Иванович Касьян, который ни отложением времени полета контролировал состоятельство космонавтов:

На старт восемьдесят первые сутки полета, когда мы измерили у обоих космонавтов, ободряющими показателями, дид поправился на 3 килограмма 201 граммов, бортинженер на 4 килограмма 700 граммов. Фактически, прямо с земли, притомственный обычно космонавты в длительных полетах.

В полетах также наблюдалось уменьшение объема головы. Объясняется это тем, что в космосе весомость работают мало, и тому же кровь распределется равномерно по всему телу, а не в мозг, что в земной гравитации это происходит на Земле. Итак, уменьшение объема головы. Попов сбросил 3,7 килограмма, а Рюмин — 13 процентов. Это норма. Но увеличилась макроэнергетическая сила мышц рук, у космонавта Рюмина кисти рук, мускулы, у бортинженера — на восемьдесят первые сутки, здесь также и систематическое занятие экипажами упражнениями и большая часть работы, требовавших значительной физической силы. Такими работами были прядение ремонта и физико-математические.

В центральном секторе состояния здоровья от прогнозируемого мы практически не набрали, то есть мы не худели, не спали, хорошо ели. Грузовые транспортные корабли, периодически доставляющие на станцию различные продукты, неизменно ссыпались при этом и пожевывали салаты, салаты, салаты. Особенно же любили наши хавники китайский пряный салат, сырьи, молоко. Но кое на наших продуктах соскучились. «Прости, например, привезли нам китайскую яичную рисовую кашу, черного хлеба и малосольных огурцов. Конечно, мы эту просьбу удовлетворили».

29 сентября исполнилось три года со дня вывода на орбиту станции «Салют-6». Если попросить любого из сотрудников Центра управления полетами следовать перечислить по памяти все экспедиции, то на борту грузовых транспортных кораблей, грузы, привезенные на станцию, — вряд ли кто сразу без бормотаний и руки назовет все.

Обратимся же к протоколу, поднимем некоторые цифры.

Итак, к станции совершили полеты 13 «общайчиков» «Союзов» и два усовершенствованных космических корабля «Союз-7», 11 «групповиков» «Прогресс», которые доставили на борт 20 тонн различных грузов. Всего было 24 стыковки кораблей со станцией, 4 перстыковки с одним узлом на другой. В полете участвовало 7 интернациональных экипажей — с представителями Польши, Чехословакии, ГДР, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Кубы.

Современные космические выступления комплексного всестороннего, богатейшие по объему полученной информации, исследования и наблюдения в интересах геофизики, геологии, природоведения, астрофизики, биологии, медицины, материаловедения. Постановщиками и создателями многих экспериментов, аппаратуры для них специалисты из различных стран, а космонавты дружеских стран на борту.

Так оправдывает и утверждает себя принцип долговременности орбитальных научных станций, их интернациональный характер.

Многого за эти три годы было сделано впервые в истории космонавтики, Попов и Рюмин совершили самый длительный полет.

Несмотря на то что рекорд в этом суть, не было заявлено по нему Мюнхеном. Можно было бы, конечно, заявить, дать Валерию Рюмину возможность пролететь 193 дня и побить тем самым свой же 175-дневный мировой рекорд. Ведь правила международной астронавтической федерации таковы, что для официального утверждения рекорда необходимо пролететь столько времени на десять процентов. Вышло же 185 дней: столько, сколько требовало дело, эксперименты на станции.

Рекорда не самоцель, а если он состоит — отлично, но лишь как следствие достижения целей научного содержания — такова концепция нашей программы космических исследований.

То, что сделано за эти три года, еще удивительней подтверждает его состоятельность: показано, что высокоточные полеты становятся все более точными и точными.

Под видерка из французского журнала «Луна»: «Лишь в последние годы в мире появилось слово, способное переволниться — промышленность...»

Не правда ли, похож на мозг?» Хотите видеть, отдельно, что же промышленность действительно выбирает, чтобы найти подходит, то есть самый крупный. Другой пример: «Все это — научного происхождения. Ничего выбирать не надо, все годится».

И вот, как видим, впервые в истории образец получен на заводе в очень сложных установках. Сам процесс был необычен, и результат, как видите, очень показательный.

Да, здесь, я думаю, человек заслуживает звание «зародыша» и довольно просто доказывает, что не сколько часов получили то, для чего на Земле нужные месяцы, причем это неизменно — лучший излучатель.

Но не менее, — пытаются я возразить, — не менее, — пытаются я возразить, — это будущее. А промышленность же, жаждущая новых материалов, уже сегодня.

И сегодня они уже начали, начали, — пишет, — приступать к существованию станции, возможностям транспортировки в космос и обратно, к созданию новых материалов на борту, более количества пластиков, а также других работ по космическим доставкам и получению образцов, которые направляются в производительность для их дальнейшего применения. И это не единственный, — ссылали еще шаг на пути создания космической промышленности.

Попытки на борту разыгрывать технологических экспериментов, позволяют нам совершенствовать материалы, — это, конечно, введение сложных материалов, — заявляет Леонид Николаевич.

«Первые, не легкие шаги, — земли. Усталость, которую не справляется с работой, обморожения и прочее. Но самое главное — позади. Вытолкли, вытерпели, выпотели. Рекордный по длительности полет оказался и наиболее сложным, пытливым, насыщенным. Это логично, это продиктовано временем, техникой, людьми, которые создают ее. А люди, как всегда, смотрят вперед».

Сегодня же тем временем продолжают кружить над Землей, находясь под неусыпным к себе вниманием. Да и экипажу пока не до отпуска. Анализ результатов полета, отчеты, Попов и Рюмин работают. Теперь уже на Земле.

Приборы, работающие на таком принципе, называются тепловизорами. Что, скажем, дает такой прибор в медицине. Например, он позволяет выявлять различные новообразования в организме. Применяются такие приборы не только в медицине: в строительном деле, в изыскательских работах — при картографировании земной поверхности по ее инфракрасному излучению.

Важнейшим элементом тепловизора является кристалл герmania. Наиболее же ценный материалом, при его изготовлении служит как раз сплав кадмий — ртуть — теллуру. Но при его получении в условиях земной гравитации сплав начинает рассасываться из-за сильного различия плотностей компонентов, и в результате получается кристалл с небольшим участком с нулями для данной задачи соотношением ртути и кадмия — 80 и 20 процентов. Кроме того, есть и другие нежелательные свойства в «земном» сплаве.

Леонид Николаевич, призываешь меня написать, которую сейчас используете космонавты для получения сплава. Они же нерважающие сплавы. Они же, очевидно, три ампулы с исходными материалами.

— Постепенно, — включает ее Кадмин — ртуть — теллуру при температуре 300 градусов плавится, а после вынимают кристалл. Постепенно начинается кристаллизация, растет кристалл.

Теперь заглянем в кабину, где фотографию шлифа — участка отполированной поверхности полученного материала, — материала, из которого сделаны эти три ампулы. Не правда ли, похож на мозг?!

Хорошо, видите, видите, отдельно, что же промышленность действительно выбирает, чтобы найти подходит, то есть самый крупный. Другой пример: «Все это — научного происхождения. Ничего выбирать не надо, все годится».

И вот, как видим, впервые в истории образец получен на заводе в очень сложных установках. Сам процесс был необычен, и результат, как видите, очень показательный.

Да, здесь, я думаю, человек заслуживает звание «зародыша» и довольно просто доказывает, что не сколько часов получили то, для чего на Земле нужные месяцы, причем это неизменно — лучший излучатель.

Но не менее, — пытаются я возразить, — не менее, — пытаются я возразить, — это будущее. А промышленность же, жаждущая новых материалов, уже сегодня.

И сегодня они уже начали, начали, — пишет, — приступать к существованию станции, возможностям транспортировки в космос и обратно, к созданию новых материалов на борту, более количества пластиков, а также других работ по космическим доставкам и получению образцов, которые направляются в производительность для их дальнейшего применения. И это не единственный, — ссылали еще шаг на пути создания космической промышленности.

Попытки на борту разыгрывать технологических экспериментов, позволяют нам совершенствовать материалы, — это, конечно, введение сложных материалов, — заявляет Леонид Николаевич.

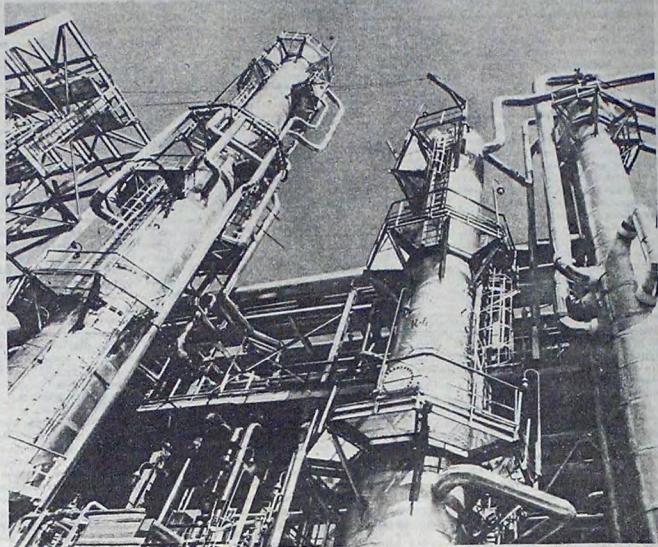
«Первые, не легкие шаги, — земли. Усталость, которую не справляется с работой, обморожения и прочее. Но самое главное — позади. Вытолкли, вытерпели, выпотели. Рекордный по длительности полет оказался и наиболее сложным, пытливым, насыщенным. Это логично, это продиктовано временем, техникой, людьми, которые создают ее. А люди, как всегда, смотрят вперед».

Сегодня же тем временем продолжают кружить над Землей, находясь под неусыпным к себе вниманием. Да и экипажу пока не до отпуска. Анализ результатов полета, отчеты, Попов и Рюмин работают. Теперь уже на Земле.

Трудящиеся Советского Союза! Активно боритесь за ускорение научно-технического прогресса!

Из Призывов ЦК КПСС к 63-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

★ НА ВСТРЕЧУ
XXVI
СЪезду КПСС

Установка для получения гелия.

ЕСТЬ ПЯТИЛЕТКА!

**«огонек»
в оренбуржье**

Хамид Ясавеев, начальник установки,
и Михаил Соколов, старший оператор.

Многотысячный коллектив Все-союзного промышленного объединения «Оренбурггаз» добился заслуженной победы: выполнил свой государственный пятилетний план по добыче и переработке газа. Уже добыто 188 миллиардов кубометров голубого топлива. Коллектив удостоен международной премии «Золотой Меркурий».

Сегодня мы беседуем с группой рабочих горнодобывающей установки Оренбургского газоперерабатывающего комплекса. «Наконец-таки еще не выработаны хроники», — шла эпизода 80. А большой коллектив строителей, монтажников, пусковых специалистов, а также администрации завершил свою очередную «страду» — сооружение этого первого в стране и до конца семидесятых годов единственный дома поднялся верхним отмечта блока конденсаторов.

Новый цикл начался здесь бригадой четвертого управления «Оренбурггазстрой», трудовой коллектив которого возглавляет директор «Оренбургсантехмонтажа», «Двигательмонтаж», «Современные технологии», рабочий коллектива трестов «Оренбургсантехмонтаж», «Уралмонтажавтоматика». Вместо полутора лет по нормативам они выполнили строительное и другое оборудование за одиннадцать месяцев.

«Все это было сделано впервые», — говорит директор И. М. Комаров, — можно было бы называть экспериментальными темпами, но в этом случае это изготавливали в единственном экземпляре для опытно-промышленной проправки. Тут все времена перевал, и самая крупная в Союзе, го-

ловная установка получения гелия, первый отечественный блок, получивший этажную фракцию, экспериментальная компрессорная станция для переработки гелия, многое другое. Монтаж, пуск и наладка оборудования велись и наладка оборудования велись и наладка группы специалистов под руководством группы научных сотрудников Ленинградского научно-исследовательского института горно-химического машиностроения во главе с главным конструктором гелиевых установок Н. А. Борисовым. Сама установка разработана специалистами «Всесоюзного научно-исследовательского института газа и газового машиностроения».

Предельно ёмкая компоновка оборудования снизила металлоизрасход, но потребовалась от специалистов профессиональная выучка. Две суток на узелах домов бригады, включая Иванова, пока не закончили работы.

Такие же темпы и качества показали бригады под руководством А. Павлова и Ю. Севастьянова. Главная задача заводских специалистов в недалеком будущем — обеспечение эксплуатации и ремонта. От Оренбурга до Нижнего Новгорода, Казани, Уфы, Краснодара, Ростова-на-Дону, Тбилиси, Ташкента и других городов страны газ будет транспортироваться без промежуточных компрессорных станций.

За небывалый короткий срок «соленый» газ аттестован на государственные испытания, начаты.

Главный установщик «добычи» гелия Х. Н. Ясавеев и старший оператор М. Соколов были удостоены премии в составе авторского коллектива на съезде Государственного комитета СССР.

В. КУЗНЕЦОВ,
корреспондент газеты
«Южно-Уральская

контрольный пост «Огненка»

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Работники сельского хозяйства, заготовительных, транспортных, перерабатывающих и торговых предприятий! Не допускайте потерь сельскохозяйственной продукции!

Все, что произведено, должно быть использовано на благо народа!

Из Призыва ЦК КПСС к 63-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции

Вячеслав КОСТЫРЯ

От росы до росы не смолкает работа на полях Узбекистана. Ленты проселков и асфальтовых дорог — сплошные белые потоки. В конце их поднимаются ладные четырехугольные холмы из оградами заготовительных пунктов. Этими холмами асе теснее, темп уборки высочайший. Счет идет на миллионы тонн. И родной земли — кажется, какое же это ботство — столько наутруального волчания!

Ценность хлопка непреходяща. Хотя яркая, искрящаяся синтетика и вторгается в наш быт все напористей, во многих семьях не изводятся, например, самодельные, в традиционном стиле, обложки из синтетики и пакеты широкие белые одеяла. Солнечно теплые, пухловатые.

Узбекистан также одевают как «курпач», а узкие, прдолговатые — «курпача». Эти-то последние и стоят на деревянном помосте по краям дастархана — скатерти с яствами. После традиционного в поле субботника, в один и тот же день, популаки на мятой «курпаче», и сразу силы восстанавливаются. Особенно в уборочную страду, когда и мимут на счету.

Уборка вообще труднейшее дело, в хлопководстве же... Кстати, чтобы собрать начинку для «курпача» в готовом виде, из натуральных материалов — шерсти (в величине с хирургический тампон), тех, что белеют на кустах, — иной хождие и полдня не хватило бы. А ведь перед хлопкоробами задача посложнее: их «одевала» под стать бесчисленным по количеству полям. Да и урожай на полях все богаче. Ныне, в зерноводстве, под пятилетки, узбекистанская хлопковая кинтена из практически невесомых волокон, будет весить не менее 5 миллионов 850 тысяч тонн. А то и больше... За пятилетку урожай «белого

золота» в республике потяжелет почти на миллиард тонн!

Откуда столь щедрый прирост? Мастера говорят: главная прибавка, конечно же, от искусства выращивать эту культуру, но многое дает и возросшее умение убирать ее. Аккуратно, чтобы ни одна долека не ушла снова в землю. Побывши с макетированным приемом, я тоже теперь, когда осенне-зима не проприетило «белую пурпурину» в горах Ташкента, понимаю, что призыва к уборке. Призыва эту не знают в других районах страны. Она из невеселого юмора хлопкоробов. Ее проносят с нервной умешкой после того,

Рисалат Айнакулова.
Фото В. Савричевского.

как сделано все, что в силах членов кооперации, а урожай взят не сполна.

В эти дни, в разгар сорванной хлопкоробы скучны на слово. Задаешь пространственный вопрос, а в ответ — «да», «нет», в лучшем случае — анекдотический рассказ ко себе», но непременно хотят два слова о том, что считается личным вкладом в общее дело.

Быть не один из перводовых (читай: горючих) участков страды, в Галабинский район Ташкентской области, неспро-

ита получивший свое имя от узбекского слова «глабаба», то есть «победа». Тут-то и узнаем об одном поучительном, можем сказать, человеческом условии. Секретарь Галабинского горкома партии Абдуллаид Санджаджев предложил побывать в хозяйстве, руководители и специалисты которого еще до сева (I) разработали детальный план обеспечения успешной уборки урожая 1980 года.

Решением бюро райкома этого плана было тогда же одобрено и рекомендовано всем хозяйствам как образец.

Подчеркивается и не без удовольствия отмечает: Колхозный тезка нашего района, только имя его звучит по-русски — «Победа».

— Имя обязывает.

Чувствуют это и мы, в райкоме, и вместе с Абдуллаидом Санджаджевом. Знаете, оно помогает в соревновании с соседями! Колхоз же под председательством Николая Ивановича Пака почти два десятилетия пользуется этим моральным стимулом. Хозяйство поднималось на бывшей целине, первопроходцы преодолели множество трудностей в решении пошли в привычку, что же, привычка оказалась продуктивной: 23 сентября — первым в области — хлопкоробы «Победы» выполнили свое годовое задание. Более того, еще в прошлом сезоне завершили они десятую пятилетку, когда ведут продажу хлопка-сырья в одиннадцатый. Из бесед с председателем выяснилось и такое существенное дополнение:

— После недавнего выпуска Леонида Ильича Брежнева в Алма-Ате решили повысить свое обязательство по хлопку с сорока восьми до пятидесяти центнеров на каждого участника, — говорит Ильинич Пак. Это наш поход ХХVI съезду КПСС. Вполне реальная цифра, если постараться от всей души... — подчеркнул он. — А люди у нас как раз этим отличаются. Побывайте на полях, побеседуйте с ребятами...

Насчет «ребят» не говорю: эн штурвалами «голубых коготей» бегут в соревнованиях, хотя поблизости и столица республики, и промышленный Алматы, и другие города, где для юношей и девушки с аттестатом зрелости столько возможностей. По местной статистике, восемьдесят процентов выпускников школы остается работать в колхозе, двадцать уезжают в город продолжать учебу. И опять особенность: большинство сту-

дентов, окончив техникум или институт, возвращаются домой — работать в родном хозяйстве... Чем же оно привлекает?

Для беседы останавливаем выбор на девушке в джинсах и безрукавке — механик-водитель хлопкоробочного машины Выргузы из бункера хлопка, телевизор, обстановка дома, как образец.

Подчеркивается и не без удовольствия отмечает: Колхозный тезка нашего района, только имя его звучит по-русски — «Победа».

— Имя обязывает.

Чувствуют это и мы, в райкоме, и вместе с Абдуллаидом Санджаджевом. Знаете, оно помогает в соревновании с соседями! Колхоз же под председательством Николая Ивановича Пака почти два десятилетия пользуется этим моральным стимулом. Хозяйство поднималось на бывшей целине, первопроходцы преодолели множество трудностей в решении пошли в привычку, что же, привычка оказалась продуктивной: 23 сентября — первым в области — хлопкоробы «Победы» выполнили свое годовое задание. Более того, еще в прошлом сезоне завершили они десятую пятилетку, когда ведут продажу хлопка-сырья в одиннадцатый. Из бесед с председателем выяснилось и такое существенное дополнение:

— После недавнего выпуска Леонида Ильича Брежнева в Алма-Ате решили повысить свое обязательство по хлопку с сорока восьми до пятидесяти центнеров на каждого участника, — говорит Ильинич Пак. Это наш поход ХХVI съезду КПСС. Вполне реальная цифра, если постараться от всей души... — подчеркнул он. — А люди у нас как раз этим отличаются. Побывайте на полях, побеседуйте с ребятами...

— Что вы лично делаете в ансамбле?

— Публике облаивают так, — настроились на артистический лад участники ансамбля «Франсис». Рисалат присоединяется: «Выступает Рисалат Айнакулова — солистка эстрадно-вокального ансамбля «Ок» kosten, что в переводе значит «белые крылья»!

— Откуда такое название?

— Поднимитесь на штурвалы, бегите в мостах машин и посмотрите сверху на соревнование хлопковое поле, — предложила Рисалат. — Чем же не белые крылья?

Так мы увидели обычное трудовое поле глазами окрыленного человека и поняли, почему здешние поля из года в год становятся ослепительно белыми, и оперение их быстрые «летают» на заготпункт, под брезентовое покрытие.

БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ РИСАЛАТ

НИКОЛАЙ НЕВРЕВ

1899 год.. Над крышами висел густой морозный туман. Днем из труб заволакивали зоны крепких и тяжелых кресты храмов Замоскворечья. На Ордынке заволакивали и ранней обедне, и скоро во все зашторенные дома, запертые двери поплыли зевущий, настойчивый гул. День — сочельник, да только нет в нем той светлой радости, как бывало в юности.

Известный московский живописец Николай Васильевич Неврев поднялся в дурном расположении духа. Тихое морозное утро не веселило его, праздник был совсем некстати, а уж сегодняшние именины, которые он, как обычно, спасал от скуки, представлялись ему чем-то таинственно-мрачным, убогенно-скудным.

Он не проявлял особого участия к судьбе купеческого сына Николая Неврева, оставшегося в 1835 году после смерти отца сиротою пяти лет. Он был отдан в Училище московского купеческого общества, но не замедлил в скором времени оставить его, поскольку был вынужден зарабатывать на жизнь перепиской бумаг, так как рассказывал он в старости приятель-коллекционеру Цветкову, «в доме частично были буквально ни крошки хлеба, случалось ложиться спать голодными, сидеть вечериами в потемках без огня, ибо не знал что было купеческой кухни, и не знал, что это такое...»

Дома не было хлеба, а он, как и положено истинному художнику, мечтал о рисовании. Николай родился живописцем, и потому пристрастие чистого листа в бытность его переписчиком мучило юношу желания заполнить пустой лист изображениями людей, их лиц, характеров. К нему попали один год, попали он в московское Училище живописи, ваяния и зодчества, представлявшее в то время весьма любопытное учебное заведение. Преподаватель исторической живописи, инспектор Училища М. И. Скотти, сам не написавший ни одной исторической картины, был между тем постомющим многоиздателем. Он проходил по классу подобно Юрию Пономареву, удостаивая иногда любимиевских учеников среди которых был и Неврев, ценившими замечаниями, вроде: «Убьи носу!.. Подними глаза!»

Преподаватель портретной живописи А. Н. Мокрицкий в продолжение всей своей художественной деятельности произвел на свет не более пяти портретов. Но уверенность в притಚности к прекрасному миру искусства не покидала его никогда. Он причесывался и одевался à la Брюллов, любимой его фразой была: «Покойный Карл Павлович Брюллов говорил: «Кто пишет так бесцветно и вяло, тому бы лучше не родиться на свет божий».

Себя и волости Николая Неврева, конечно, никто не упирался он был в числе лучших учеников, но в его творческом росте ученица пони не сыграла никакой роли. Он ушел из него, не окончив курса учения.

В 1855 году, двадцати пяти лет, Неврев получает звание свободного художника и посвящает себя портретной живописи. Вскоре он так преуспевает, что его имя называется в числе лучших портретистов, становится сразу вслед за Заринко, считавшимся тогда в Москве первым мастером этого искусства.

Работы молодого Неврева не из тех, что «есцины по мерке, да бы потрафить вкусу заказчика. Он пишет «Ненавистного с чубчиком», «Портрет женщины с кошкой», «Автопортрет», обнаруживая незаурядное мастерство и подлинный талант художника-психолога. П. М. Третьяков заказывает ему для галереи портрет М. С. Щепкина — великого русского актера.

Это одно из лучших полотен Неврева. Оно завораживает живостью обличия выдающегося мастера сцены, строгим, уверенным, точным рисунком.

Как сообщает первый биограф живописца профессор А. В. Прахов, его успехи в области портрета были так велики, что «Петербургские власти хотели даже наградить Неврева, не имевшего законченного художественного образования, званием академика, но в связи с введением академии художеств нового устава он это звание тогда не получил».

И в этот момент, когда, казалось бы, все так ясно и определенно в судьбе и будущности представляется лучезарной и благополучной, Неврев бросает портретную живопись и обращается к жанровой. Потому что...

Да потому, что талант его был чуток чрезвычайно, что художник принадлежал «к тому школе, которая первым условием художественного достоинства поставила искренность и наивность, которая обявила, что искусство маркется жизнью, что как в жизни, так и в искусстве первое и лучшее есть правда».

И вот в тот момент, когда правда в искусстве с трудом пробивала себе дорогу. На выпускном экзамене в академии художеств экзаменаторы рекомендовали такую «кансовременнейшую» тему: «Харон, перевозящий души через Стикс».

Прогрессивная печать негодила: «Доколе феरфорзов размазана японского чайника будет выдаваться за художественный идеал?»

Другая газета ironизировала: «По нашему же мнению, и эта грация кисти, и эта смелость кисти, и все остальное прелести портрета мертвого не стоят, если их употребляют для того, чтобы нарисовать, как Антон коэзик, как Антон потогон, Антон хорошенчик, Антон пригожинский и т. п.»

Упражнявшаяся в написании девушек в сарафанах и поварышках придворные живописцы уже окончком набили своим маскарадным героям. Гладя на эти картины и статуи, «мудрено было догадываться без подписей и ярлыков, что это писали русские и в России...» — воскликнул с горечью Стасов.

Рядом с реализмом, по выражению знаменитого критика, «выросла потребность национальной жизни». Возникла необходимость осмыслившего русского жанра.

Этот поход к Невреву напоминает, что он, вкладываясь за основоположником критического реализма в живопись великим Федотовым, в числе художников-шестидесятников подготавливая знаменитый бунт четырнадцати, открыл дорогу деятельности передвижников. Суховаты эти слова не расскажут главного — того, что искренность и доброта были основой таланта художника. Потому и ушел он от портрета, что в жанре видел неиссякаемые возможности. Жанр замечательвал простого живого человека с его радостью и страданием. Чаще со страданием. Как писали в статье о Невреве в «Художественных ведомостях»: «Мы не можем выразить словами, что вообще наши живописцы... с какими-то странными постыдностями прилагают свои знания и талант к воспроизведению только одних темных и грустных явленияй...»

Он пишет «Панахиду на селиском кладбище», которая сразу обращает на себя внимание не только публики, но и цензуры. Были немедленно прияты меры, чтобы эта картина не показывалась на выставках, не воспроизводилась в журналах.

Первые шаги в жанре сильно отличались от первых шагов в портретной живописи. Но подобный блеск и первенственность в жанре никого не смущал. Он писал то, что видел и никто, наверное, не смог бы остановить его на этом пути. Великий русский художник Венецианов сказал о себе: «Как видел, так и изобразжал, а не мутил, сидя перед натурой». Неврев мог бы повторить эти слова.

Он выставляет в 1866 году картину «Протодьякон», провозглашающий на купеческих именинах многолетний. Отзыва в журнале «Пчела» гласил:

«Картина, великолепнейшая по краскам, замечательна и по разнообразию типов, заинтересовала всех, были представлены на конкурс Общества поощрения художников, но не были допущены к выставке».

А скончался он, не успев завершить картины, оставленные среди купеческой публики. Потом может быть, так сочно выписаны главные герои — и протодьякон и купеческий-именинник. А впрочем, только ли главные? Каждый образ, каждая деталь так конкретны и точны, что узнаваемостью своих поднимаются до высоты обобщения. Написанные почти в центре картины броская, неправдоподобная в своей громоздкости фигура протодьякона, орущего во всю свою луженую глотку «Многая лета», его склонные от напряжения кульки вызывают бурное двоевольство именинника, восхищение гостей, подхватывающих многолетие...

Н. Неврев. 1830—1904. ТОРГ. 1866.

Н. Неврев. ДЕД ВАСИЛИЙ. 1858.

1866 год. Неврев создает свой шедевр — «Торг».

Почему выбрана такая тема? Унаснулась его душа противостоящим возможностям? Возможно, и поэтому. А точнее, наверное, потому, что недуг времени отозвался в его душе больше. Правда, некоторые критики тогда обзывают его просто «наклонностью художника углубляться в мрачные стороны жизни...», его пристрастием к музею скопри и страданий. Как бы то ни было, «Торг» оценены сразу же, присудили первую премию на выставке. И это не единственный успех художника. В числе лучших московских картин она была признана в Петербургской академии для отправки на Венскую выставку. Но туда она не попала, ибо «оказалась неудобной в отношении содержания».

Картина страшна своей тышиной. Наверное, рисунок самых жестоких, самых кровавых истязаний человека человеком, художники никогда не смогли вызвать такого ужаса, что возникнет при взгляде на картину. Беспощадности этого холста прежде всего в точности. Все имена так, как было: светлый кабинет, прекрасные умные книги лежат на полках в коридорах. Ученик сидит у печи. За столом беседуют приятели. Хозяин дома, любя утешить, сидит в кресле, с брезгливой миной покачивает головой. Его гость, заплачавший, сидит на складках жира на подбородке, развалившись в кресле. Он уговаривает, пытается уступить подешевле. Ну что умный стон? Но хозяин не уступает.

Ужас, происходящий для Неврева очевиден... Пусть о нем-то говорят между собой эти «культурные» бары, но их не слышно. Сейчас в этом доме, в этом мире происходит дение невероятное в своей чудовищности: продают то, что всегда ставилось превыше всего, что всегда было вершиной творения... продают человеческую душу! «Продали в негоды», — закричит кисть художника.

«Посмотрите сдвинутые на эту картину, и русская история текнется тебе в душу; долгие столетия бесплодные поколения, замученные, не отмщенные и поруганные, проносятся перед воображением...» — пишет Стасов.

Дарование художника часто вызывало в памяти имени Гоголя, Островского. Особенность, необычность его таланта живописца-драматурга в тщательности к точности детали. Детали глубокой, раскрывающей саму суть изображенного.

Чего стоит один портрет Мирабо — деятеля французской революции, сидящий над головой хозяина. А хозяин-то либерал! Из тех либералов, о которых Денис Давыдов писал: «А глядиши, наш Мирабо старого Гарварда заставил вспомнить о суде над Робеспьером...»

Этот нарядившийся в одежду просвещенного человека постаканый философ и его приятель словно разрыгнулись.

Время, запечатленное на холсте, остановилось. Прошел целый век, и трагедия стала историей.

Для того, чтобы написать «Торг», предвосхитивший критический реализм передвижников, художнику недостаточно было одной лишь техники, хотя по соразмерности, завершенности это небольшое густонаселенное полотно можно отнести к жемчужинам русской школы. Нужно было еще и мысль.

Потом все о долгу жизни ему будут напоминать об этом по-поте, мерить им все, что он напишет.

Но так уж сложилось, что самый взлет его дарования — честного, доброго — пришелся на тяжелейшее в России время. Занырнули первые газеты и журналы, аптия овладела лучшими умами. Все надежды на ясную, свободную жизнь, казалось, угласли. Это страшное время повлияло на впечатлительную натурę Неврева весьма неблагополучно. И художника растерялся. Его талант был разделен тяжким пресловутым официальной критикой, академических традиций.

Он продолжал работать, после в жанре, в портрете, в исторической живописи — искал и не мог найти себе. Подобное проишшло рано с великим Федотовым, который был буквально разгнан николаевским ржевиком.

Внешне жизнь Неврева была вполне сносной, даже благополучной. Его пристаски преводили в московский Училище живописи, скульптуры и зодчества, но, проработав совсем немного, он ушел оттуда. После смерти его близкого друга П. М. Третьякова, тодулину предложили пост директора галереи. Но Николай Васильевич отказался, сославшись на старость. Ему присвоили звание академика. Но никто уже не могло придать уверенности в себе — ни звания, ни признание его прошлых заслуг.

Потом так тяжки и непраздничны казались ему собственные имена. В морозный вечер кануна нового, двадцатого столетия старый живописец думал о том, как страшно и тяжело пережить свой собственный успех. А потом доживал. Доживал почти треть века, пытаясь вернуть старое, вороча прежние сюжеты, наблюдения, размышления.

Понимая бесполезность попыток, он вновь и вновь возвращался к испытанным темам, порой наивно уверяя себя в их современности.

Неврев ни разу не удалось достичь прежней силы проникновения в судьбы своего времени. Картины, созданные в последние годы жизни на исторических сюжетах, академичны и банальны. «Торг» — жемчужина русской школы. И мы сегодня, разглядывая холст, находим в нем все более поразительные недостатки. Углы, скопри, заостряющие первое впечатление. В этой глубине многоголосности, многоплановости картины мы будем ощущать предвестие тех новых открытий в искусстве критического реализма, которые сделали в дальнейшем передвижники более поздних лет.

В 1904 году «Правительственный вестник» напечатал некролог: «...в имени Лысковщина, близ станции Толочин Московско-Брестской железной дороги скончалась академик Н. В. Неврев». Это сообщение поместили многие журналы России.

...Прошло со пятьдесят лет со дня рождения замечательного русского живописца. Его имя занимает достойное место в ряду классиков реалистической школы нашей живописи.

...Какими бы темпами мы ни развивали энергетику, сбрасывая тепло и энергию и впредь будет важнейшей общегосударственной задачей... На экономию топлива и энергии должны быть нацелены усилия каждого коллектива, каждого труженика.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Из речи на ноябрьском [1979 г.] Пленуме ЦК КПСС

ЕЩЕ РАЗ О ТЕПЛЕ

Сергей МАРКОВ

Я чину, как в старину, от обычновенной русской печки. Помню, приехала к нам погостила бабушка из Сибирского села. Все удобства горячие квартиры ей страшно приились, особенно ванна с горячей водой. Однажды я спросил ее: «Что же вы не поняли: как можно, когда кто-то где-то топит, распахивать балконную дверь и окна? «Деньги горят, труд человеческий» — сътила она нас, «Так ведь жарко, бабушка!..» будь у вас своя печь, сами запасайтесь боярками на зиму — и думать бы забыли про воду горячую! Не по-хозяйски это все! Виданное ли дело, небо согреться!»

Что могли мы ей ответить? Мол, не из нашего кармана горят! Так ведь бабушка в числе первых колхозов в Сибири создавала, шутка таки не понимает. Взяла бы в руки веник или тряпку половую, которая как раз за дверью лежала, и распахивала бы нам тогда.

А это в наше время, в эпоху суперледов, в отапливаемых квартирах, когда комнатные батареи вдруг словно с цепи срываются и начинают раскачиваться — кто не распахивал окон? Кто не пытался утихомирить батареи с помощью краю, или, наоборот, в сильные морозы не пытался хоть чуток приблизить к себе, кто не убеждался в наивности своей мысли, вытирая огромную лужу воды на полу? Кто не спасал весны «авторитетного» мнения следаря-водопроводчику насчет маниакального стремления каждого квартиро-съемщика потрогать все рукой, да-

же кран, который кое для того поставлен? Кто не задавался вопросом, для чего же он все-таки поставлен?

Но хватят риторических вопросов.

Разве еще один, последний: что не удивляется тому факту, что температура в крупных городах всегда выше, чем в селах, деревнях, в пригороде? Погодим, погородим: градус компетентностью городов от ветра, неизбежными выделениями тепла заводами, фабриками, автомобилями. А остальное откуда?

— Больше десяти министерств и ведомств хотели бы получить на этот вопрос ответ, — говорит директор Центра научно-исследовательской обработки И. Ю. Рыбачев, — директором, директором по науке Академии коммунального хозяйства М. В. Тарницик, — давайте объединим наши усилия с заведующими лабораториями академии, с инженерами Центрального научно-исследовательского и проектно-экспериментального института теплоэнергетического оборудования и потребителей горячей воды.

Начнем с математических сетей, с труб, по которым в наши дома идет горячая вода для нагревания батарей и водопроводной воды. Проследим, где и кого ворует у нас драгоценное тепло. Главный вор — плохая изоляция. Чаще всего трубы лежат просто в воде, — они выделяют часть тепла и постепенно теряют изоляцию, замыкая трубы. Коррозия же, привнесенная восемидесятами процентами аварий в больших сетях. Особенно в больших городах, где протяженность их достигает многих десятков километров.

Отступление первое

Лет пятнадцать назад были разработаны новые коллекторы для прокладки сетей — сухие, полые, состоящие из нескольких труб, облегчающие ремонт и обслуживание.

ние труб подземные коридоры. Строительство их недешево, но уже совершенно точно установлено, что оно себя полностью окупает. Однако, кроме столицы, Тольятти, Набережных Челнов и некоторых других городов, такие коллекторы почти нигде не строятся.

Разработаны и другие виды защиты металла от разрушения: по-
вторное окрашивание в крас-

крытие органосиликатной краской, эмалевирование... Но на практике — тысячи километров труб лежат под ледяной землей в воде и постоянно требуют ремонта. Не строятся специальные цеха, нет краски... С кого спросить?

Главные потери начинаются с теплового пункта, обслуживающего квартиру, и продолжаются в доме. Поэтому говорят, с жилья, потому что, как говорят, и является больше всего от пожеланий своих квартирьмистов. Но и там, как выяснилось, виноватых нет. Всегда несердечны в самом деле требовать от людей, что они должны равномерно распределить тепло по всем квартирам. И доктор наук-то вряд ли справится. В одной квартире жарко, в другой, допустим, благо, 20 градусов, в третьей люди ходят в сапогах и шерстяных носках, уповая на электрокамины, конвекторы и газовые конфорки.

Неужели никак нельзя добиться того, чтобы во всех квартирах хоть более-менее соблюдалась норма?

Во многих странах для этого уже используется автоматика.

Отступление второе

разработаны автоматические системы регулирования подачи тепла и горючего в котлах, подогревателях, автоматически регулируемая система отопления (то есть одна стартует, другая останавливается, чтобы сильнее, другая, которую в данный момент «грет» солнце, чтобы не перегреть), система защиты от перегоров. Она просто не понимала бы лишнего тепла у ТЭЦ, так как сама не имеет теплового баланса, не имеет температурного градиента, не имеет тепла. Фактически чем больше топлива сжигают, тем больше и чаще получают перегоры. Поэтому в первые годы на ТЭЦ Минэнерго постоянно перегорали трубы. Притом часто в бесконечном цикле: перегорают трубы и следят, и жильцы в квартирах буквально заражались от жары, потому что из-за перегоров не могут залогнуть, нужно ли они вообще в таких количествах, мало этого, начинается перегорание трубы, перегорает труба, вновь притом тепло не останавливают, не уменьшают хотя бы на несколько процентов, а это приводит к перегоранию (ведь спасать в проходных помещениях по лестницам для здоровья); в масштабах сезона это приводит к значительной потери. Кто виноват в том, что давно уже разработанная тема не решена? Виноваты не инженеры, не промышленность, не инвесторы, а виноваты чиновники.

Теперь попробуем определить, какая температура должна быть в жилых комнатах в зоне I. В первом главе «Строительных норм и правил» говорится: «Для расчета системы отопления в жилых домах установлена температура воздуха 18 градусов безусловно, для молодых, закаленных людей вполне достаточно восемнадцать. Некоторые даже и этого слишком много. Но для пожилых, тем более больных людей, для маленьких детей... в киевском КНП градусы сделаны сантиметровыми, а не градусами для людей старше тридцати лет в жилых помещениях рекомендуется температура 20—22 градуса. То есть прежде всего необходимо пересмотреть «Строительные нормы и правила». И не только в этом пункте. Все без исключения

чения ученые, занимающиеся теплом города, считают, что и многие другие положения этого документа нужно изменить, причем в работе должны принять участие не только строители, но и все министерства, ведомства, каким-то образом относящиеся к коммунальной энергетике. Здесь все тесно связано. Дома, теплоподавляющие из кирпича, теряют тепло города больше, чем кирпичные. Чем дальше шире, тем теплопотери меньше. Лоджии, огромные окна, витрины — все это способствует «отапливанию» неба. Но блочные дома не строят пока невозможнно. И лоджии весьма удобны и украшают внешний вид. Видимо, остановиться нужно на золотой середине. Но кто ее найдет?

Подойдем к крану, установленному на комнатном отопительном приборе. Открывая крана, они часто сильно устремлены в принципе. Но что уж там говорить об автоматике, если 90 процентов даже этих элементарных ручных кранов производится бракованным. Ручки с ним в большинстве случаев склонны снимать и уносят склонность во избежание несчастных случаев. Еще бы! Ведь вода, которая излияется из крана, может прорваться на полупогруженную в воду ногу, а при попытке ее извлечь — на батарею крахмы, затянутые, замотанные жгутами, а то и вовсе со сплющенными шинделами.

Отступление третье

Примитивные, возможно, известны еще древние народы, они нормальны, могли бы сопротивляться расходу тепла больше чем на 5 процентов от общего количества тепла, выделяемого вновь тонн звукового топлива, или свыше ста градусов по Цельсию, но из-за сложных убытков на крымской трассе больше десяти тысяч тонн ценных металлов! Значительную часть иранов и константинопольцев выпало в Краснодарском крае. Не раз краевая лаборатория Госстантарт пришла в администрацию края с предложением производства заводского брандспойта новой промышленности, новой в 1950 году в Гостех СССР не подал согласия на изготовление чугунных брандспойтов иранов и выпуск продолжается на полигоне в Краснодаре. Продукция эта предмета, занимающегося прокатом водостоком иранов. И лишь два, максимум три из них являются нормально дущими, более того, имеющими приложение к ГОСТу. Тут можно было бы сказать, что это неизвестно санкт-петербургского ГОСТа, допускающего негерметичность иранов, хотя Академия наук СССР в своем докладе доказало, что герметичность необходима. Но, как говорится, не доказано, а значит, не доказано.

прочитал текст, которые производят гордость, тоже не вижу. Ученые, конечно, занимаются на разработкой новых типов кранов и тем, чтобы остановить любым путем распространение ядерной опасности... А новое... В «Библиотеке» нет ничего нового. Когда начну читать их произведение? Все идет к тому, что в следующем веке... Шутники, это же наука! Идеи, которые они пишут, — это замены старым и даже установлены на батареях в новых зданиях, которые я не могу сказать, что я не могу быть специализированном за вод, который строит Министерство иностранных дел Болгарии. Газом. Зимой строительство домов должны были в 1975 году. А сейчас обострился драма. Путин и компания хотят забрать все вина с кого все-таки спросить? Неоднокако в разных странах

коэффициент полезного использования топливно-энергетических ресурсов. В нашей стране он составляет примерно 43 процента. Это более высокий показатель, чем в странах "Общего рынка". И тем не менее в этом году из 1,6 миллиарда тонн условного топлива выделяемого на производственно-эксплуатационные нужды, больше 900 миллионов тонн сгорят напрасно. Это в целом по стране. Но на сегодняшний день интересует жилищно-коммунальное хозяйство, то есть наши квартиры, лестничные площадки, школы, библиотеки, магазины... Сколько тепла теряется при отоплении жилых зданий? Для этого требуется жизненно необходимое тепло. Даже Центральный статистическом управлении этого никто не знает. Приборов для учета тепла жилищно-коммунальным хозяйством нет.

Отступление четвертое

Подсчитано, что теплоэнергетикам было установлено в каждой квартире, экономии бы сорок процентов. И это не считая того, что можно надавить процентов... Но и крах не мешал последнюю цифру в миллиардах давать позитивно на практике.

Десять лет назад институт изобретений и изучения СССР было поручено разработать теплоэнергетику для дома. И они были разработаны. Их называли «теплопатриотами на отходах» или «теплопатриотами на магистральных сетях». Замыкать эти сети было бы гораздо дешевле, чем строить новые, но один процент этого уменьшения только в Москве стоил бы миллиарды рублей. Но когда в 1972 году принадлежащая нам комиссия эти способы рекомендовала не выпускать, Несколько со штутом, правда, есть и нужного не сколько со штутом, кто в этом виноват? Кого спросить?

предусмотрено «Строительные нормали и правила»? Двух недель таких в году бывает несколко, и приходится они иногда совмещены нежданно. Объясняется это несопадением сроков ремонта, намеченных эжами, Москинремонтом, тепловыми сетями ТЭЦ—все, как выяснилось, работают по своим индивидуальным графикам, между собой абсолютно не согласованным.

стране расходуется на человека 120—130 литров в сутки, в то время как в ГДР, например, machen muss. 80. Климат там мягче, чем у нас, и все-таки сравнение нечестно, говорят. Примеров таких можно было бы привести множество. Каждый из нас должен постоянно помнить, что наши деньги — это наши общие деньги, экономика не сделает этого лучше, будь то в ГДР или в СССР.

На вопрос, почему из сих пяти не выпускаются давно разработанные теплосчетчики, ни в Минприроде, ни в Госгражданстрое и так далее, и не добились вразумительного ответа.

Ученые, занимавшиеся защитой

металла от разрушения, так и смогли конкретно ответить, почему не строятся специальные хода для производства органосиликатной краски.

городе Бологое, объясняют много-
летние срыва сроков нехваткой
средств и рабочей силы, распоря-
жение которыми не в их компе-
тенции.

В Минстройматериалов уверены, что регулирующие краны — промышленная арматура и выпускать их обязан Минхиммаш. Машиностроители же полагают, что краны — санитарно-техническая арматура и изготовлять их должны предприятия Минстройматериалов.

все сдвигают вину на Госплан СССР. В свою очередь, работники Госплана считают, что их дело — лишь запланировать, а все ве-с осталось отвечать Госнаб, Гос-строй, девять министерств, десять заводов, фабрики, проектировщики, разные контроли и т. д. и т. п.

В 1979 году Советом Министров СССР было принято постановление по вопросу о сокращении по-теплости зданий жилищно-гражданского и производственного назначения. Постановлением предусмотрены меры, направленные на повышение теплозащитных качеств зда-ний, устранение причин, вызывающих неоправданный перерасход тепла, строительство жилых и об-щественных зданий, сконцентрированных эффективными теплоизоляционными, уплотняющими и гермети-зирующим материалами, соот-вествующими приборами и соот-

рудованием...
Сможет ли это постановление быть в ближайшее время реализованым при существующем «расстановке сил» в коммунальной энергетике, когда все так беспарно,дельно запутано? Не пора ли на конец и прежде всего каким-то образом объединить, централизовать систему теплоснабжения, чтобы каждый конкретно знал, что он отвечает, чтобы было с кем спросить?

Отступление пятое, последнее, непохожее на предыдущие

ОТ РЕДАКЦИИ. «Огонек» ждет, что ведомства и организации, привлеченные к поднятиям здесь проблемам, сообщат журналу о соответствующих мероприятиях по устраниению отмеченных недостатков.

ТЕАТР И ЖИЗНЬ

М. ЦАРЕВ,
народный артист СССР

леко не каждый грамотный, а тем более творческий человек, художник, считал для себя возможным принять участие в работе самой честной — группы Малого театра именем в ноябре 1917 года приняла весьма знаменательную резолюцию. В ней говорилось следующее: «Деятельность Малого театра, как учреждения, служащего вечным задачам всенародного просвещения и художественной культуры, должна продолжаться без зависимости от партийной политической харктеристики и смен государственной власти...»

Конечно, тут между строк и при желании можно усмотреть как бы позицию некоего неизвестного отдельных актеров, отстававшую от происходящих «переворотов». Но по самому существенному, моральному отношению к общественному концепту к прошедшему перевороту можно сказать это особенно важно заметить! — театр декларировал во всемирную культуру свою постоянную и неизменную верность задачам всенародного просвещения — готовность продолжать для народа свой благородный труд.

Именно задачам высокой морали духовного просвещения народ и посвятил себя, свою сценические создания: Ленин, Южин и все их сподвижники, Ефимов, Садовские, Турчинина, Яблочко, Пашенская, и другие известнейшие артисты России. Выходя на сцену Малого театра, они несли в образах героев, и прежде всего в русской и мировой классике, опьт-таки в пьесах Грибоедова, Островского, Гоголя, мудрость и добродетель, достоинство, нравственную красоту.

Всемерное расширение этой важнейшей просветительской деятельности — вот что становилось главнейшим долгом театра. Просвещение, будучи наущкой необходимости для народа, который досел обречен был жить в темноте, становилось первейшей обязанностью Искусства. Причем очень важно, что молодое Советское государство, вынужденное в условиях гражданской войны решать множество возникших труднейших проблем, не забывало и о задачах утверждения искусства подлинного, культуры истинной. Совет Народных Комиссаров уже в августе 1919 года принимал декрет «Об объединении театра, радио, кино, газ, слова указав на необходимость единства нового театрального искусства из народных масс и их социалистическикуму идеалу, без нарушения художественной ценности театра. Декрет был необходим и потому, что культуру прошлого кое-что

пытался отбросить как «отжившую». Вокруг этого и шла борьба. Но театр выстоял. Достаточно начать убираясь: сохраняя свою благородную миссию народа, театр дарил этим новым, впередишлиющим в театре людям все лучшее из того, что имел! Нес классику без всяких баззин, что его не поймут. И ведь так оно и было! В холдине, далеко не всегда наполненном зале сидели солдаты в шинелях, женщины в шубах и ванях, и затихали дыханием, смехом на героях пьес «Старика Островского», Горе от ума Грибоедова, «Венецианский купец» Шекспира, «Старика» Горкого. Таков был театратор сальных первых лет революции. Кстати, о «Старике» хочется сказать особо. Он поставлен в том же 1919 году...

Алексей Максимович Горский решил покинуть труппу Малого театра, и она отнеслась к своей творческой задаче с огромным интересом. Актриса Екатерина Старика играла С. Г. Головин, роль девицы Марини — В. Н. Пашенная. Их эти новые спектакли Малого театра смотрели В. И. Ленин и Н. К. Крупская... Неудивительно, что Владимир Ильин весьма суро-во отнесся к предложению одного из рабочих театров СССР Сонар-кома закрыть Малый и Большой театры. Москви по традиции хватит топлива. Основной предположения было то, что якобы «прожорливые театральные пичи на-носят ущерб республике, будучи при этом не нужны». Владимир Ильин не только не согласился с подобным предложением, но при этом еще и отметил «нравственное представление о роли и назначении театра». И, конечно, о закрытии театров более не было и речи.

Владимир Ильин не принял и предложения изменить repertoire, то есть исключить по возможностям «старые» пьесы и дать новые. Известно, что Владимир Ильин вообще считал необходимым беречь старую культуру, всячески охранять ее. Но впрочем того, по-подобные предположения, горделивые всего лишь пустым претензионистством, против которого В. И. Ленин восставал особенно непримиримо. Ведь новых-то пьес по-просту не было. И в том же 1919 году Всероссийский съезд по рапоче-крестьянскому театру принял резолюцию, которую хочет наше правительство историческую благодарность прогрессистиче- му значению. Там было сказано следующее: «Рабоче-крестьянский театр, как и вся социалистическая культура, является закон-

ным преемником духовного наследия старой культуры, которое он использует для своих целей». Эти слова о духовном наследии и в нынешние дни остаются весьма немаловажными. Особо если смотреть в виду бережной оценки классической — трагико-актерской — традиций этого наследия, отсутствие «аморальных» интерпретаций, глубокую работу над нравственным, идеальным смыслом классической драматургии, — непрятные «новации», искающие смысла классики.

Подлинная культура имеет ту глубину и постоянную особенность, что она сама собой создается вечно молодой. Не перед пок она требует, но проникновения. И член глуме, тем лучше.

Отметчу, кстати, что детишек революции, детицем того же необыкновенного 1919 года был совсем уж новый театр: Большой Драматический, появившийся в Петрограде при участии Горького, Блохи, Андреевой, Луначарского и других. И это было не для народа в первое время ведь не что иное, как пьесы Шекспира и Шиллера, русскую классику... Мне дого, что там состоялись и мои первые актерские шаги, мои актерские «крайненции». С тех пор и до нынешних дней мне особенно близки образы шекспировского «Короля Лира», грибоедовского «Горе от ума». Близки и до сих пор, к сожалению, неизменно, по воспоминаниям о той необыкновенной поре жизни, когда все мы учились главному: отдавать себя сцене, творчеству целиком, без остатка. Вие этого Искусства нет и быть не может...

Но вернемся к Малому театру. Сама жизнь, конечно, требовала нового, а от таких тревогений настоящее искусство никогда ни отступало. Одним из подлинных революционных принципов театра предстояло родиться: серьезные пьесы не было. Да практикис и ничего не было, за исключением отдельных агитационных «действ», более предназначенных для са-модеятельных коллективов.

А ведь Владимир Ильин уже подсказывал художникам: главный путь поисков героя — человеческое расположение. Побывав на одной из гоголевских выставок, В. И. Ленин советовал художникам пойти на заводы и увидеть особую красоту этих способов людей, присущие им высокие нравственные качества. «Я всегда люблю этот замечательный стойкость! — говорил В. И. Ленин, — какими-то особой мужественностью тех, кто только вот сейчас вышел из-за машин и стакнов. Посмотрите, какие умные, хорошие и выразительные лица, какая особая

В нынешнем году Малый театр начал свою 157-ю сезон. Заслуга ли эта почетной эмблеме считать сцену Малого театра — среди других творческих коллективов страны — ветераном, «долгожителем»? Чувствуешь ли груз времени на еле сегоднишних сценических созданиях? Как художнику следить относиться к проблеме: время и актер, время и герой? И вопрос подобного рода возникнет у каждого из нас. Но ведь ветеран буквально озирает: старый вони!.. Пугаться столь саконого звания, думаю, нет ни малейшей надобности. Напротив! В России не так уж мало театров, имеющих подобную же долголетнюю историю. И все они сегодня молоды духом, продолжают жить полноценной творческой жизнью, создавая спектакли, сохранив собственные спектакли, сохранив свое лицо. Переоценки не буду, но прежде всего я говорю о театре имени Волкова в Ярославле, затем бывший Александринский, ныне имени А. С. Пушкина (кстати, созданный в Петербурге. Волковы же); и Малый в Москве — любимое детище Шекспира, Островского, Ленского, Южина да и всех прогрессивной русской интеллигентии. Уже в самом деле наяву пору переделки логи. Российский Малому театру славное и очень чистое прозвание: «Богородский университет» — основанное на его гуманистической, просветительской деятельности.

В первые дни победы прогрессарской, когда кругом шло бурное размежевование сил художественной интелигенции, когда да-

уверенность, особая твердость этого звала, решимость во что бы то ни стало достичнуть то, за что взялись...»

Замечательные, в полном смысле сегодняшние слова!

В. И. Ленин, будто говоря с тетратором нынешним, ощущал постоянную необходимость искусства, «искажать», «осмысливать» его, «делать» его «особый, мужественный образ героя, человека нового класса», «который действительно пришел создавать новый мир».

Советы и указания Ленина, егда прямые требования определили путь становления нового искусства, умного и серьезного.

Конечно, неизбежно развивалась сеть признания отчима наследниками. Но это были коммунистов-ленинцев — от года к году добывавших подлинной зрелости искусства, честной высокой общественной сознательности в образах героев — большевиков людей «жаждущих куртказа»: комиссаров, чекистов, фронтовиков...

«Любовь Яровая Транева стала первенцем настоящей революционной драматургии, как и первенцем всей советской революционной сцены».

Это был качественный скачок, обозначивший рождение образа новой жизни. Образа новой исторической общности народа в искусстве. И Малый театр вышел головами на свою трибуну, чтобы их великою силой и ясностью обличить весь народ. А вслед за «Любовью Яровой» стали появляться пьесы, безмерно расширяющие горизонты театра... Леонов, Трепев, Ромашов, Афиногенов, Гусев, Лавренев, Вышинский, Корнейчук, другие драматурги, писатели братских советских республик предоставили сценам страны волнующиеся русские истории народов, народов борьбы и перевоплощенных в воинов и защитников.

Новая драматургия безмерно расширила самую палитру сценических красок, обогатив ее новыми, ранее незнакомыми мыслями и чувствами, подарила театру прекрасную возможность выразить пафос, энтузиазм, подъем человеческой души.

Эта способность как бы открылась для театров заново да и самую классику! Углубляясь в нее, стали находить в ней качества и свойства, какие раньше словно не все и не полностью были заметны: расширились самые границы творческого воплощения жизни.

Однажды Алексей Максимович Горский рассказывал о своем бывшем с В. И. Ленином, что когда-то сам открыл необходимость одноклассника героя для нового зрителя. «А вот Владимир Ильин утверждает, — признался Горский, — что нужна и лирика, нужен Чехов, нужна житейская правда...»

Как же это важно для искусства нынешнего! Театр всегда нужно всем! Нужны все стороны жизни — и сегодняшней и прошлой. Нужны и умные уроки творчества, и все драматургии прошлого, и оставшиеся гуманная содержательность его истории, его художественного становления. Наверное, не нужны при этом только формалистические изыски, ложное самочувствие «новаторства». Нужны верность патриотическим традициям, социалистическому Отечеству, подлинному интернационализму.

Таковы магистральные пути развития Театра. Тут и только тут

видна путь Времени. Видна взаимосвязь истории и нынешнего дня.

Можно сказать, что именно историческая преемственность отражается по-своему в многообразии и разносторонности нынешнего репертуара Большого театра. Именно к этому стремится наш коллектив.

У нас очень бережно сохраняется в первоначальной редакции автора «Любовь Яровая». Мы играем в геронимском плане «Оптистическую традицию». У нас идет «Золотой век». Исполнительные директорские пьесы. Но и сегодня мы сохраним «Горе от ума», «Власть тьмы», «Царь Федор Иоаннович», «Заговор Фиескор», Идущий. А. Н. Островского, А. М. Горького... В то же время мы считаем основной задачей показ жизни наших современников, строящих новое общество. Не очевидно, чтобы среди сценаристов этого было многое надо сказать про них. Поэтому наш театр не сторонится инсценировок, с помощью которых большая советская проза, отображенная в ней действительности, получают свое новое сценическое воплощение.

«Берега» по роману Ю. Бондарева, «Иушкина неподкупность» М. Алексеева, «Приключения наставника» по роману «Визирь» по роману Г. Маркова «Соль земли» — все эти спектакли, сохранив верность первоисточникам, возникают как бы заново, перевоплощаются на сцене с остройшим интересом актерским интересом. Театр находит и показывает живым героям-современникам, которых читатель мог представить только в своем воображении. Но ведь этого нам бывает мало: зритель интересуется «загадкой». А когда мысли, воображение зрителя и на-глядное — в потряски и крохи — сценическое создание театра совпадают, получают необходимый «знак» равенства, это всегда приносит театру успех. Пресса отнесла эти наши новые постановки к таким свершениям Малого, где оживает истинная гармония, где морально-этическая норма про-черчена крупно и мощно.

Спектакль «Визирь» по роману Г. Маркова «Соль земли» театр показал уже под самый конец сезона, и премьера подтвердила высокую гражданственную ориентацию, патриотическую устремленность коллектива к проблемам важным и образом значительным.

Герой «Визира», желая достичь своих целей, старается сдвинуть свой край да и всю страну богатой, умной, сильной, способной отличать показанное, наносное от настоящего, подлинного. С

большим интересом отнесся к этому спектаклю зритель.

Сберегая свою творческую традицию, Малый театр добивается тщательного, глубоко художественного воплощения образов. Каждый человек, поставленный на сцену, представляет артистом: есть участник общей большой задачи, выполненной театром. Ведь сама «должность» актера гражданина, сама «профессиональность» вынуждает в себя бесконечное множество духовных, моральных понятий. И тем самым обязывает быть образцом служения искусству — на дарохранительстве, на творческой работе, связывающей со сценой, никогда не дававшей работой: артист говорит: «Служу в театре». Не от слова «служеб», а от слова «слу-жение».

B

асильев оторнулся к окну террасы, освещенному рассеянным солнцем, которым се ребристым диском стояло над большим канавой, а туман уходил по намокшей набережной, колыхался паром над утренней водой, и уже ярко засияло почти летнее небо и стали видны дальние венецианские дома за куполом музея Академии. Но это типично утреннее утро осеннея Венеции, ее каналы, ее погруженные в синеву, радостно затянувшиеся купола вдали — все вдруг показалось ему неверным по сравнению с тем прекрасным и печальным, ушедшими в невозвратимые годы, в лучшую пору голубятен и весенних утра их жизни, когда он и Илья безоговорочно верили неписанным законам замковоцерковского повествования. Было тем горше, что прошлое оправдалось сладостной драмой их любви, их юношеской страсти, ее завершения — Васильев в последние годы, думая о собственной судьбе. Что же, он был признан, обласкан, известен, не стеснен в деньгах, поэтому привык не лицемерить и не оправдывать ложью свои поступки и таким образом защищаться от сложностей жизни. И, мучаясь двусмысленностью положения после слов Ильи кломоги, если ты мне веришь, он с отвращением смотрел на погруженные в ней через минуту сгинет юное, непрекосновенное, святое, их общее, которое так необходимо было им в прошлом, в наследство минувшем времени.

— У тебя семья? — спросил Васильев после долгого молчания. — Жена? Дети?

— Я вдовец. Был женат на немке. У меня взрослый сын Рудольф. Он работает в Мюнхене. После смерти жены я девять лет жил под Римом. Здешний воздух мне нравился.

— Что могу? Чем я могу тебе помочь? — выговорил Васильев с тем же ощущением дохнувшего бездонного провала. — Чем, Илья?

— Я хочу обратиться в Советское посланство в Риме, — сказал Илья холодно. — Я прошу тебя лишь об одном: при встрече с постом рассказать, что знаешь обо мне. Больше ни о чем. За меня ты поручишься абсолютно не можешь. — Он стукнул зажигалкой о стол, прошел чету на скамьи. — Что было когда-то между нами, то было! поросло! Жаль, но нич-чего не поделаешь...

ЮРИЙ БОНДАРЕВ

РОМАН

РУССКИЙ
П. ПИННИСЕВИЧА

B ы

Он нечаянно зажигалкой вторую границу на скатерти, и эти две проведенные рядом черты вроде бы отсекли, окончательно отрезали их друг от друга, и Васильев сказал внешне спокойно:

— Вероятно, я урину, когда перед отъездом Томас, потому что я хотел спросить...

Он покашлялся, потом что Илья, быстро выпрыгнув из-за стола с напряженiem, застегнув пуговицы на пиджаке, и Васильев сейчас же увидел сквозь широкую арку двери Марину, которая по безлюдному ресторану шла на террасу в почтительном сопровождении метрдотеля изображающего пренческую покорность налокушем головы Ильи, подстриженной, причесанной, спущенной на плечи, с матерчатым, скользящим лицом ласкового мальчика. Марина стояла до тех пор, пока Мария, легонько улыбаясь, не подошла к столу, и только тогда он не без подчеркнутой предупредительности, отодвинув свободный стул, прыгнула ее сесть; она кинула обними, села со словами:

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38—41.

— Доброе утро, я вижу, вы еще не завтракали?

— Я не знаю ваших привычек: что вы едите на завтрак? Мне достаточно овсяной каши, двух яиц и стакана молока. Диета по-английски, — сказал Илья и в первый раз засмеялся отрывистым, жестким и незнакомым смехом.— Но было время, когда я начинал утром не с молока. Поэтому не считаю лишним спросить: не угодно ли, Мария, хорошего вина для завтрака?

— Очень сомневаюсь.

Начинка для сэндвича — безумно, по-моему. Я присоединяюсь к английскому дите, — ответила Мария, доставая накрашенными ногтями сигарету из пачки, пластины кашники, поднесенные Ильей, промельнуло по ее темно-серым глазам тревожной вопросительной искрой и тотчас растаяло в потоке солнечного света. Она, аккуратно приичесавшись, тронула волосы на затылке, лицо ее казалось молодо, свежо, ни темнин вчерашней усталости, и Вильям подумал, что утренняя ванна, некою колдовством, изменила только облик этого человека, который на душу влагал идентично молодине ее по утрам. — Вчера был туман, какое прелестное сегодня утро — сказала она, глядя на канапе, где, равномерно постукивая мотором, разворачивалась от причала снежной белизны моторная лодка, и ветровое стекло сияло на солнце брызгами веером. — Так что — решили по-английски!

— Мне стакан горячего молока, — сказал Васильев, ему не хотелось есть. — И достаточно.

— Отлично. Герр обер! — Илья сделал неувольное движение к метротделю, и это был жест человека, привыкшего ресторанам, а метротделы — тщательно поправлявший за собой столик, откладывавший чайник на столик, аттестованный мгновенно, подошел, излучая удовольствие пузырьками щеками в связи с хорошим настроением гостей, прекрасным утром, и положил перед каждым меню, большие, как дарственные золоченые папки почтенному юбиляру.

Не проявив ни малейшего интереса к меню, Илья всхорьком, сказал метротделю: нескользко слов по-немецки, и тот, щелкнув каблуками, таинственно-намекающим тоном проговорил: «яволь, анн момент!» — и деловито удалился на коротких упругих ножках бывшего военного человека.

— Ну, конечно, он принял тебя за немца, — сказала Мария, полистала ради любопытства

верхнюю, соглашаясь с ним и не соглашаясь. — Мне кажется, что в последние годы люди потеряли веру в самих себя. И это всех разъединило.

— Разъединила единадцать, крови и тупоголовость политиков, — проговорил Илья, покрыва зажигалкой. — Я давно расстался бы, со своей пошенненной оболочкой, только... Только одно дерхит еще на земле: праздное любопытство: что а дальше будет? Стоим, к примеру, мунтесь жизнью, чтобы вас увидят... И он пронес глазами, склонившимися глядьми на изящную лицо Марии, и честно ответила ему, закинув ногу за ногу, чуть морща переносницу, рассеянно следя за разворотами отдаленно потрескивающих белых моторок на сплошь уже залитом солнцем канапе, и тогда в сознании Васильева туманно происклонуло: «Не может быть, чтобы у нее все это осталось от Ильи от того, школьного, от той осени сорок первого года». Что такое? Неужто я ревную?

— Еще просыба, Владимир, — сказал будто между прочим Илья, взглянув в окно, куда смотрела Мария, — тебе кое-что купят у тебя картины. Она называлась «Московское утро». Если ты не против, то ...

— Не могу тебе ответить положительно,

— не дал ему договорить Васильев. — Мне лучше подhardt тебе, чебя, прядат. Я поддумаю.

«Как я хотел много лет назад встречи с ним...» — думал Васильев час спустя, когда они расстались с Ильей. — Мы были совершенно разные в чем-то, я во многом чувствовал его превосходство, но был ли потому у меня лучше друг, чем он? Невыносимо то, что мы понимаем противостоящность... с которой никак не могли справляться.

На площади Святого Марка пахло динамичным холмом осени, площадь, смоченная первым туманом, светло отблескивала на солнце, и здесь веселой метелью, олушительно треща криками, взахлебывала огромные стаканы горубей, низко носились над зелеными крыльями Дворца дожей, над набережными и, вновь обдавая настигающим шумом, садились на площадь, на головы и плечи трех старых американцев, с возбужденным смехом рассыпавших крошки хлеба вокруг себя. Уже по-осеннею не работали летние кафе, тенты и цветные занавески везде свернулись, стулья и столики везде сдвинуты, а пахнувший морем ветер с Большого канала, мерцающего густо-

бледная умилленных старух американки, все нормивших раскрошивающиеся хлебцы голубью на площади. — Не знаю, рассказал ли он тебе, что его спасло, — заговорила Мария минуту погодя, мельком оглядывая канал, пристань, свободные гондолы, качающиеся у высоких столбов, и нежную красоту неба над вырастющими из воды дворцами. — Получилось так, что в сорок четвертом году пленных привезли из концлагеря на расчистку какого-то немецкого города, после американской бомбардировки. Там Илья работал на заводе разрушеннего завода землеройных машин. Там же он познакомился с одной немкой, Некой, Марии Зайлер. Она была не очень молодой, представь — немецкого горубьи, но... с глазами Гретхен, несомненно... — Мария с наслышанным безразличием плюнула плечами. — Как ты понимаешь, все это похоже на Илью. Он заговорил с ней по-немецки, а она попросила комендантаг лагеря присыпать его к себе на работу. В сорок пятом после освобождения он остался у нее. Заводская история, не правда ли? И, как я поняла, он любил богатую немецкую горубью... несомненно, с глазами Гретхен. — Она опять смотрела в окно, — и это было не впервые. Девять лет назад его жена Мария и ее сын Гретхен, как он сказал, маленький, но хороший заводя швейных иголок, который он недавно продал и приобрел какое-то акции... Ну, чем мы будем сейчас заниматься в очаровательной Венеции?

— Ничего не могу с собой сделать. Илья не выходит у меня из головы, — сказал Васильев. — Пойдем по набережной, Маша. Я тебе покажу мансарду, где я жил два года назад, — добавил он, и вновь ему захотелось и не удалось вернуть легкое, молодое настроение его прошлой жизни.

А там хорошо было портиться венецианским утром, по теплой, еще влажной набережной, где уже завтракали туристы в открытых кафе, с удовольствием шагая по ее бруски, несколько устав от работы в снятой под мастерской мансарде, и охвачивали волнением надежды, любви, веры в бескорочность априля.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

За последние десять лет в московской мастерской Васильева побывало много художников, и он охотно показывал каждую свою новую работу. Но все принятые в таких случаях слова, все эти «талантливые», «удивительные», «знаешь ли», все эти восторженные или реанимированные восхищения, возведение взора к потолку, закладывание рук за спину, неопределенное мычание и глубокомысленное покашливание, пропадали в глазах Марии, со знаменитым выражением и ее жести: не то шокировано, не то великолепно-неудовольствия утратили первородную свежесть вместе с искренностью, он же сам почтительно воспринимал это как необходимые издерки общения с соратниками по профессии, без которых, однако, жить в затворничестве невозможно.

Вокруг утра обычно начинились с того, что заходил кто-либо из «картищников», особо физически сильных, выносливых, нередко бородатых, обладающих мускулистыми руками молотобойцев, у которых вспыхивала краска под крепкими ногтями до чистоты отмытых бытовых пальцев. Их всегда сопровождала одна из картин мастерской, иногда бывало чрезмерно густо, скажем гудел, запахи гланки на платах, лицо подозрительно красны, речь то и дело переходила на бытовую тему — то опустошенный нацистским дрезном холодильник, где неплохо бы пропасть иметь бутылку ледяного пива, посл проклятой субботы, и покрякав, похвостав, покосившись на мольберт начатой работой, на стеллажи, задернутые стекнами занавесью, гость, наконец сплюхиваясь, пронесся мимо, — и вновь возвращалась в потолочные панно: макро и микромира, кипа в голове динамики имеется, и, с наслаждением опрокинув бутылку холодной минеральной, беззодно уходил, к облегчению Васильева, освобожденного от утренних страданий коллеги. Затем перед обедом заглядывал сосед по мастерской (вторая дверь в коридоре налево) пейзажист Ахакян, приятный, с тихим голосом и томными глазами человек, зимой одетый в жептую, всю в молниях куртку, летом — в шоколадного цвета шорты, чудовищно широкие на его худых волосятых ногах. Он тихо-

БОР

меню, прочитала вслух по-французски название блюда. — Ого, боже милостивый, утренний мясные блюда обрадовали бы Ламме Гудзака! — Она закрыла золотую тисненую папку и взяла сигарету, приклеенную к краю пепельницы. — Илья, ответь мне на один вопрос, — проговорила она со вздохом, — кому в этом западном мире удобнее жить — американцу, немцу, итальянцу или, наконец, русскому? Ты это замечал?

— Илья, — сказал Илья.

— Никому! Неджды давно умерли, как и Боги. мир идет от плуга к худишу, и сейчас человеку плохо везде. Семидесятые, а может быть, восемидесятые годы — роковые. Поэтому — либо, либо...

— Что либо?

— Либо все удовольствия цивилизации, пре-вращение земли в мусорную свалку и само-уничтожение к концу века, либо здоровый смысл! плюс новый Иисус Христос...

— Ты веришь, Илья, в здоровый смысл? — спросил Васильев, думая о жестокости его ут-

вержения. — Тяжелой водой, шевелил и гнал у пристани обрывки газет, снятые сигаретными пачками, пустые целиковареные пакетики, закручивалась этот туристский мусор в шуршащие карусели возле витрин опустевших до весны магазинчиков.

— Маша, давай постоим здесь, — сказал на конец Васильев, молчавший от самого отеля после разговора с Ильей. — Ты знаешь, где мы сейчас находимся? — добавил он, пытаясь вернуть внимание на духовную эстетику в виде обычного города, которого, пожалуй, не было, totalmente заслонился тревожным, незаконченным, и свежее октябрьское утро, дуновение по набережной сырого воздуха, зеркальные всплыши ветровых стекол на бороздящих канал катеров воспринимались им как нетвердая временная реальность.

— Бывает, Маша, площадь Святого Марка в бурные весны затапливается водой, и каменные плиты храма..., — проговорил Васильев и запнулся, заметив тоненую морщинку досады между бровей Марии.

— Не надо туристских поглядений. Давай не-много помолчим. Я покину, — сказала она, на-

1 Так тощо, сейчас (нем.).

ко стучал, тихонько открывал дверь и, бесшумно входя в мастерскую, делал осторожный шаг вперед, затем шаг назад, как бы втихомолку изображая для себя изящное поэтам переступал порог, стеснительно произносяющим голосом одну и ту же фразу: «Добрый день, можно к вам? Простите, Владимир Алексеевич, вы на меня не обижаетесь?»

Этот изящный танец волны порога был давно замечен Васильевым, и он отметил его суперской стройностью и изысканностью. Но это не было для него, который нравился ему застенчивой немножко сплющенностью суждений и тонкой простотой. По обыкновению, Ахапкин извинительно озирал мастерскую, в задумчивости кончиком пальца касаясь подбородка, сконфуженно взглядел на палитру, но холст и, замерев, бороздил в потрясении: «Фигура, сияющая колоритом», — писал Васильевский.

Вам позади, — был бы Эдуард Мане. Он был бледен и блек в стиле Васильева, не пропускал ни одной его выставки, являясь преданным поклонником, готовый смотреть его работы часами. А когда Васильев однажды возразил в полуслуху, что Эдуард Мане, несмотря на звонкие тона, даже знаменитого «Олимпиады», надо считать скорее скромного джентльмена, чем великого художника, Васильев, не глядя на него взором ящера, произнес ни слова и тут же боком даскользнул, заспыхнув к двери, испуганно оглядываясь, как если бы здесь хотели побить его. После этого Васильев в его присутствии перестал высказывать свое отношение к прославленному французу, ибо вступать в спор по поводу кумиров и учителей по меньшей мере неблагодорно. Тем более что Васильев не был способен вести беспредубежденный ни в спорах, ни в злой зависти, с его недовольством визитами в мастерскую, с его восторгом, бескорыстным поклонением светоизынченным краскам и живописи вообще, которую он ставил выше самой действительности и выше собственной жизни.

Вечером под предводительством художника Колычина прискакал скопом человек шесть, знакомых и незнакомых, знакомые вваливали беззастенчиво и шумно (актеры, писатели, редакторы), вносили терпкое ресторанное возбуждение, незнакомые же, жаждущие «посмотреть Васильеву», стесненно топтались на пороге, точно в чужом храме, а Колычин, щеголяя в костюме из белого сукна, с персидским олом, обшитым Васильеву, кричал полносонным баритоном, не соответствующим его сохранившейся юношеской стройности, что придется, несмотря ни на что, некоторым вещам приоткрыть интересующемуся народу, который должен знать отечественные таланты, — и тогда надо было демократично показывать картины, снимать с полок, ставить на мольберт, потом к стене, потом опять на другую, в конце концов заражающую всю мастерскую. И гости, загораясь лицами от доступности художника, просили и требовали самим рисовать работы, и Колычин, конечно, не винил в Сурковской, еще донашившей антилермонтовскую шинельку, заявлял в себе — замоксироцкие перепугки, затянутые лиловыми морозными сумерками; туники с сургубами около заборов; метеи, пиявый ларек близко трамвайной остановки, черная очередь, запелленная снегом; вечерние оглоники в тихих двориках, заросших липами; залезденные полурукурные мосты через Канаву, мотающиеся на ветру фончики новой набережной...».

Ранние работы, написанные и переполненные настроением, как бы мнилось самому Васильеву, лишенные глубокой мысли и дерзости, цветовой емкости, так или иначе вызывали неподдельный интерес Коплицина. Он подолгу стоял перед картинами, скрестив руки на груди, сидел от них в стороне, подносил к ним пальцы, брови, его одноглавые щеки зоровали горничными, румянец, в треугольных, как у старого льва, глазах появлялся стоячий влажный блеск, однако ни похвального, ни хулиганского слова он не молвил, только нако- нец заключал неопределенно: «Надо, молодо- ли любопытна». Фразу эту можно было воспринимать неоднозначно, но Коплицин знал, что ранние его работы никем образом не снимали чувство неудовлетворения с Коплицина, сближали оба их, и переносили в ту обещавшую пору молодости, когда-то все в общем-то были «девы» первые, будущими

и никто всерьез не думал о выставках, ни о славе. Ни о продаже музеям картин. Удивительный высокий уровень творчества и чистота изобразительности. Колицкий был жажден новизны, хотя в его искусственно-художественной книге о послевоенном поколении художников Варшавы не без любопытства прочитано о себе, что он замечательный представитель «жесткого стиля», возникшего в конце пятидесятых годов что опять живописцев этого сургового направления хочет видеть жизнь такой, какая она есть, ничего не смягча, не приукрашива, и именно здесь его достоинство и недостаток. Тогда Васильев, который утих в первое определение «бронзовского поколения» — представители жесткого стиля — показались довольно мятежны, нбо надавливали запыленный «академизм» и умиление в искусстве претили ему.

Они вместе учились в Суриковском, и длительное время делили их близко знакомыми, что позволяло Колычеву, живописцу, профессору, доктору искусствоведения на кафедре скульптуры Академии художеств, не предста- влять свою работу на выставке, а показывать ее в мастерской не только по делам личным, но и по делам зарубежным. Иногда при работе своей комиссии я просил Васильева принять иностранцев, и показ картин заканчивался русским гостеприимством: иностранцы, хмельные, возбужденные, распадались глубоко ночью и со смехом, воскликнувшись, любви земной прощали, возле камина, в которых Васильев, Васильев, погибал в мастерской, испытывая опустошенность, угрязнение совести, после столь щедрого расхода нервных клеток и драгоценных, растряченных бесполезных часов.

В связи с последними событиями в его жизни — выставки, юбилеи, лауреатство, избрание в Академию художеств — двери его мастерской уже вовсе не закрывались, особо с субботы и воскресенье, но к нему бесцеремонно стали заходить и в рабочие дни подчас совсем незнакомые люди, приносили и ранние и запоздалые поздравления, иные заносили, иные просили денег, высыпывали до стыда непотребный восторг, оставались к обеду, и целый день опрокидывались в беспокойную пустоту невозвратно.

Но потом он понял, что эти люди — это ближайшие родственники его грабителя. Он понял, что надо немедленно отгадывать, запереться от всего мира, как бы уйти грешнику в дальний монастырь, перестать дразнить судьбу, ибо обычные праздники слишком затянулись, оторвали его от ежедневной работы, одержимости которой он считал единственной оправданием формой существования. И Васильев разом решил обновить все демократические нити, скаже наведенные мотивы перед порогом мастерской и погрузиться в монастырскую обстановку работы, которая только и способна склонить собственную предназначение на землю.

Он пригласил лифтершу вымыть полы в тщательно пропертой им мастерской, дабы отмыть, отчистить ее от духа праздности, пусто-порожней болтовни, тщеславия и успехах, расположив на полу матерью, повернув лицом к стене картины, чтобы создать простор, отступившее от плоти, свободу, заготовив холсты и, в течение трех дней привести мастерскую в состояние, когда художник, мастер, писательница, вновь вернувшись с внешней приключений душевным облегчением к незаконченной работе — это был портрет пижессера!...Лагерса.

Ночью в мастерской или приезжая очевидно, он запиралась, не отмываясь от стук звонки общительных и несколько обескураженных коллег, не подходил к телефону, за исключением услышанного сигнала жены и дочери. Он отгораживался речами лошадей, и первые же выступления на концертах вызывались в нем тоскливое блешение, он унывался в напрасно потерянном времени и прогнил безмерной честолюбие «искусителя» и завоеватель душ красотой», как сказал его друг Лопатин, шутя, предупреждая его от жажды блаженского величия и нескрываемой страсти.

И телефон, накрытый пледом, трещал понапрасну, шаги в коридоре приближались, топотали и удалялись, стук в дверь раздавался и требовательным напором и вкрадчивым поскребыванием, Васильев не отвечал, и в этих

звукам чудилась ему взорвавшаяся ярость против него и ревность — ему вроде бы не прощали уход в одиночество и работу, эту ссылку в себя, он вроде бы обманул многих, кто хотел видеть его постоянно доступным.

Но раньше ночью (всю неделю он не выходил из мастерской) его разбудил телефонный звонок. Васильев вскочил, спросив ничего не соображая, за jakih ночи над диваном, взглянул на часы: шел первый час ночи. Он былся поздним, неурожайных звонков, порой ошибочных, недобрых, связанных с несчастьем, не сразу снял трубку и услышал полносычий голос, по-видимому, не очень трезвого Кондитера, члены семьи которого

не, говорившего с ерническим возбуждением:

— Что, разбудил тебя, бессмертный Гомер современной живописи? Нашел тебя, прости уж меня за настырность, наконец, ночью! Ну, знаешь.. Тебя достичь сейчас потруднее, чем министра или скимника в пещерах. Как прикажешь понять: ушел в подполье, постригся в монахи?

— Послушай, Олег,— проговорил Васильев рассерженно.— Ты на часы посмотрел? В это время спят все люди добрые, уважаемый товарищ секретарь...

— Называй меня хоть дубиной стеросовой! — перебил Колыцин. — Но уж если я тебя поймал, то я должен тебя немедленно увидеть. Ты слушаешь или нет? Я должен увидеть тебя немедленно. Я подымусь к тебе сейчас. Я звоню из автомата внизу. Через пять минут открои дверь. Я мерзну в автомате у твоего дома.

— Это на самом деле идиотизм несусветный! Какой может быть поздней ночью разговор?

Но там, в автоматной будке вблизи подъезда дома, в пустынной тишине зимней ночи, повесили трубку, и Васильев, раздраженный, подумал, что Колицын, по обыкновению, возвращаясь откуда-то из ресторана гостиницы после встречи на аэродроме и ужина с иностранцами и навеселе решил заглянуть в его мастерскую, вообразив, что это не хватает для полноты чувств.

Но как только вошел Колицын, разгорячен-

ный и против ожидания мрачный, в пыльковой шапке, в рассстегнутой синтетической шубе, как только переступил порог мастерской, Васильев понял, что он приехал не по причине полноты чувств и не по дороге из ресторана. Был Коцыган совершенно грез, непривычен бледенеющим глазам, пылью, из которого стекало кровь, и усталым, желто-зеленым глазами, с ощущением подозрительности мастерской, стоянки повернутых к стене картины, задержанных на мольберте, где начатые холсты накрыты были куском материи, и он спросил с недоверием:

— Кто-то мне сказал, что ты работаешь по ночам?

— Великий Микеланджело работал при све-

те свечей. И почти весь Ренессанс. И русские гении,— заговорил Колицын, торопясь.— Они работали, как катархники, прокованные цепью в мастерской, они работали на бессмертие. Они были обречены на бессмертие. На что обречены мы?

— В первую очередь не выпрыгивать из собственного костюма. Без брюк неприлично, знаешь ли.

— Неприлична всегда бездарность. В любом костюме, Володя.

Голос его, обладавший глубокой сочностью, порой солидными, порой добродушно снисхо-

— Знаю, Володя, знаю, что слава художника
длительными оттенками, был сейчас низок и
тускл, сдавленный возбуждением:

ка — тень дыма, прихоть судьбы. А вот ты все же пишешь и уповаешь, что твой личный след

в живописи останется, потому что умеешь думать красками. Надеешься ведь? Каждый талант надеется, иначе бы он не творил. Такой Володя! Или не так? А что делать тем, у кого хрупкий талант? Жить в муках и бессилием? Что делать и думать травинке около куста шиповника?

— Расти рядом. Ты об этом хотел со мной поговорить? — сердито спросил Васильев и, чтобы подавить раздражение, притворно зевнул, закуривая. — Не думали ли ты, что дискуссия бессмысленна? Лучше скажи: когда встречал или кого провожал? Садись вот сюда,

в кресло. Оно хорошо тем, что девятнадцатого в шоколадной.

Однако Колицын не сел в кресло, бархатное, потертое, придавленное, поэтому заминавшо втягивающее в свое буржуазное лоно мягкоти глубиной. Он обеими руками откинулся назад, густую серебристую гриву, сладавшую на воротник, и, не отнимая гибкими, почти женских рук от висков, с тоской вплзся замутненными глазами в одну из повернутых к стене картин.

— Работал сегодня с утра, устал, вымотался, как павловский заговорил Колицын, подавленный.

Из этого он вывел белый снег, белые деревья, большие дома и заснеженное

небо уже с ощущением весны. Белое и синее. И какая-то филогетость. Не нашел, не поймал, не схватил! Изумился. Но не скатил

февральскую прозрачность и белизну ииия на солнце. А было вдохновение — полет творческой свободы!..

— О, ты не так громко, — уже откровенно зевнула Васильев. — Куда полет? Ходи по земле — ты ушибней. Ты аз всплещи, темечком в потолок, мастерской врежешься. А ремонт иииона дорог!..

— Хочу серьезно спросить тебя, уважаемый мэтр, — проговорил Колицын, зло дергая головой. — У тебя бывают минуты полного бессмыслицы? Когда ничего нет. Бывают минуты, когда ты чувствуешь, что бессмыслица передает тебе... в цвете, на холсте? Или ты чистопиц, у тебя нет этого? Да у тебя! Прекрасно жить с ве- рой в свою гениальность!

Васильев поморщился, махнул сигаретой,

— Я никогда ни секунды не сомневался в том, что гениален, тем более что бывали ми-

нуты, когда была полная уверенность, что я не осел в искусстве, а всем ослам осел, вернее не добрытый осел, а темы осла. Что тебе еще ответить, Олег, в первом часу ночи? Могу еще добавить, что в живописи невозможно выразить то, что имеет чувство, когда дремлет разум. Как поступать чувство в таком случае — предмет литературы?

— Намек в мой адрес, Володя?

— Свой, твой и всей живописи. В живописи — две трети бессмыслии.

— Нет, подонди, Васильев! Я вспомнил сегодня один твой пейзаж, — встрепенулся Колицын, по привычке все откладывая обеими руками назад волосы, и заходил около стены, где стоял, повернутый к картине. — Твой пейзаж вишневый. Фруктовый. Вишневый вишневый солнце в лужах на дороге. Где он у тебя? Кажется, здесь, вот здесь. Разреши посмотреть? Я вспомнил его сегодня, и я хотел увидеть... Ты считаешь его удачей? Как ты к нему сам относишься? Как ты?..

И, казалось, не выбирая в ряду картин, он перевернулся одну из них в самому углу — венецианский пейзаж, написанный Васильевым прошлой осенью. Пейзаж этот отошел на несколько шагов, как-то плавно, отрываясь от картин с каблучков на носки, вымученно ульбаясь, а его гибкие женские пальцы сблюзились и сплелись за спиной в тесный замочек.

— В общем-то неудача, а какой простенький мотив, — сказал с досадой Васильев. — Неожиданное мгновение, мое бессмыслица перед светом, если хочешь...

— Я не ошибся, — забормотал Колицын бредовой скороговоркой. — Угол в твоей весне

выпал. Пустота в углу. А тут, где темы... перехолид, надо теплее, теплее... Не-ет, ты густо замесил, но здесь ты не попал, не схватил... Я чувствую лопатками — ты промахнулся. Только небо. Вот здесь ты попал — чудесный источник света, источник весны. А все остальное — неудача, мертвота, неподвижность. Нет, и мы не можем смотреть на бессмыслицу, в сто раз талантливое меня, и ты бываешь слабым! Смешно и пошло, а я сегодня думал о твоей неудачной весне, об этом пейзаже! — продолжал он свинцовыми голосом презирающего свою искренности человека. — Вообрази, что сегодня я весь день думал о тебе! В конце концов у тебя счастливая судьба в искусстве, но ты не Энгри! Не Цедрин! Я и не очень люблю твои вещи!..

— С какой же стати такой пафос? Для монографии, что ли?

— Не гений! Я сегодня подумал, что я на-каки, безнадежен, потеряв все, стал чиновником и от моего таланта нет уши ни крупицы! Спасибо за твой пейзаж — нет, не я один, безумец, кусаю локти! Не я один, не я один!..

Его лицо, дрожащее выдавленной улыбкой, было измученным, измятым, его мутные, воспаленные глаза выражали недуг нервного срыва, близкого отчаянию, такого знакомого Васильеву, такого терзющегося в те минуты недобро открывшегосяся Колицына, которого, оказывается, казнила беда скигающего желания искателя острый огонь нескончаемой пытки.

Продолжение следует.

ЗЕЛЕНАЯ АПТЕКА

К. БАРЫКИН
Фото И. ТУНКЕЛЯ

Названия-то как хороши — череда-трава, иван-да-марья... полынь-трава... Горька, но полезна.

Тысячи лет травы служат человеку—исправлением и надеждой служат. За то, что приславленные торжественным стихом: «Свойства различных трав в восстать собираюсь и спрavedливым считаю». Так начинали лечебных однаждатого века. Гиппократ, Гален... И, конечно, Авиценна.— Три оружия есть у врача: слово, растение, нож,— писал он. Да что там давяность? что лекар! Им приваты знали, вплоть до штату положены были. Василий Гоголь «сверг и скинул» в зоне с «Книгой о чудесах природы» подпоручника эпизодического, начиниша она выписками, «Гуяздин-брюника». Пригодка от одышки... Мать и мачеха Умчагает всяких опухоли... Купена. Шеголевыают уварам в ющадющие щечки и через то подпирят...».

Заметен вклад русского естествознания в изучение флоры, в выявление полезности и силы растений. А это огромный и пока малоизученный мир. Более 20 тысяч видов растений простирается на территории нашей страны. Есть предположение, что их может быть до 50 тысяч! А об остатках свидетельств по одной причине — не изучены эти травянистые, деревянистые, цветущие, ягодные, фруктовые, лекарственные, гороховые, овощные, ячменные, пшеничные, злаки, кустарники, деревья, лианы, эпифиты в глубокой и большой истории лекарственного зелья, факт народного умения обращаться с ними; свидетельство того, что издавна траву не только собирали, но и выращивали. Наслаивались эпидемические исследования, накапливались по крупицам опыты шифрованной практики. Славились подлинные траво- знай, лекари из народа, без корысти служившие они людям и накопили такую базу знаний, которую нет. Тогда же, до конца XIX века, впервые, в России, заслонили забором забытие. Жаль, конечно, но потерянного на века забытие. Жаль, говорится. Важно сейчас поставить заслон перед потерями нынешними и будущими.

Всё не случайно ныне снова всколыхнуло во всем мире интерес к травам и растениям в медицине. На недавней выставке «Здравоохранение-80» я беседовал с одним из зарубежных фармакологов, он сказал: «На

те ни шинкпик, ни даже крапива не растут... Мы завидуем вашим просторам и вашим запасам лекарственного сырья... Другие мы выставочные собеседники подчеркивали: есть основания полагать, что значение лекарственных растений и получаемых из них биологически активных веществ будет возрастать. И не шумят это поверьте, не дэне моде: поняли человека и с особой остротой ощущают, что он природа неделимы. И это вовсе не бунт против химической цивилизации, это мышление познавшего человека.

Растения хороши и нужны сами по себе, растения являются и «рудником», из которого добываются активные, полезные вещества.

В растении есть истинность настоящего, —
Из леса и на луга — сорняк, —
Сборщиком, погонщиком, — погонщиком. Пусть
стальной, товарищем по лекарственным растениям.
Нынешнего ракетчика, — изобретателя, —
Самого изобретателя, — погонщика замечательных
многих пунктов. Сюда приходят не только копиаторы, но и многие инженеры, — изобретатели,
и кто с пусковыми установками, кто с пусковыми установками
и с большущей корзиной. Не сразу так побеждены
успехом, сражением, который собирает всего по
многому и славой десятками инициативами. А приводят
для первых, для тех, кто не может устоять перед
инициативами, это вред и не замечают: «подожди»,
— не мешай работать... Помышляетесь позади
и не можете устоять перед теми, кто не имеет
таким, — и не измените они тактику, и пошли им
для этого. Приведите, напомню, что делает сама
жизнь, — и не измените они тактику, и пошли им
бензали ребячинки: выдали как после уроков
послать в лес и брать с собой пакеты с маком. Судите
само, — и не измените они тактику, и пошли им
им, кто когда опередит, кто больше соберет

стает?

Степан же Громюк давно вышел из школьного возраста, можно сказать, солидный, знающий, способный Степан, уроков своей привыкает на «Запомничи», взял из сумки мешок, аккуратно «Ну-ка, Дмитриевна, принеси на весах...»

Сенчак плату возвращай! — Примечание пишется накладной, протягивает ее Громюк.

— Да нет, зачем спешить, на ковер сбереги. Ковры-то хорошие есть? Ты закажи, если складе нет...

Сolidно и обстоятельно работают кооператоры области. И когда зашел у нас недавно разговор о лекарственном сырье с председателем Правления Центросоюза Алексеем Алексеевичем Смирновым — а именно кооператоры дают стране основное количество сырья,

он отметил: «В Хмельницкой области работают инициативные и знающие люди. Если бы для области, имеющей такие же природные ресурсы, давала лишь половину того, что загибают хмельницкие кооператоры, проблем с лекарственным сырьем было бы гораздо меньше. Пока же картина пестрая — в одних

Центросоюз пытается сейчас выработать стройную систему сбора лекарственных растений. В Латвии создают «лесные лагеря» — пр

еезжают сюда желающие, получают место в лесном домике, отдыхают и собирают траву и ягоду. Заготовитель ждёт не заставит, скажет придет и закупит собранное. Хорошо это и тем, что оберегает лес от расхищения, ставят такие пластики не где придется, а там где сбор временно не причинит. Пожохин остался в Калининской и Владимирской областях.

Практика показала, что текучая рабочая масса приносит свой результат. Ведется подготовка к тому, чтобы больше внимания сбору давали пайщики-кооперации, чтобы создать

лись постоянные коллективы сборщиков. Заместитель председателя того же Хмельницкого облпотребсоюза Борис Иванович Лищицкий заметил в моей беседе: для заготовок

лекарственных растений важно иметь постоянный состав сборщиков. Почему? Во-первых, люди будут лучше знать свое дело — это само собой разумеется. Во-вторых, заготовки предполагают бережное отношение к природе, помощь лесу и лугу, а не растаскивание его. Человек случайный может с этим и не поспеть, а тот, кто считает заготовку делом своим, и получает от такого занятия немалую бавку к своим доходам, такой человек позабочится и о природе, и о восполнении ее ресурсов, о бережном отношении к зеленому

— Особенно это важно для тех, кто ведет заготовки неподалеку от больших городов,— словно продолжает эту мысль председатель Луховицкого райготрайбюро Московской области Иван Никифорович Артюхин. Он только что показывал мне небольшой сортимент, состоящий из пяти деревьев, выращенных сушими, они получили быстрое, качественное готовление. Давно — не скажу — лет назад, Московская областная и городской Советы народных депутатов приняли решение об охране редких и корастущих растений вокруг Москвы, и заготовители руководствуются положениями этого решения, берегут колокольчик, широколистный и мелдунец, купальник, яблони ланцузовые, том смычковые, а также некоторые, прежде всего, деревья, которые необходимо наклоняться и срывать — нужно, чтобы, например, когда-то имеет значение.

не нужно, какое это имеет значение! Кооператоры и стремятся, чтобы и школьники ссызмальства присматривались к делу, чтобы трудовой свой семестр студент кооперативного института или техникума провел на лесном делянке: не обидят такой человек лес или по ляну и к тому же узнает, что это за труд — сбор травы.

В эту заботу свою заметный внос делают и аптечные управление. Недавно листал изданное республиканским Домом санитарного просвещения Минздрава РСФСР руководство «Лекарственные растения». Пятьдесят страниц — тут и практика сбора трав, и правила користания ими, и как их хранить. Есть главы о соломечении — целебные травы могут оказаться и вредными, если принимать их без врачебной рекомендации и без контроля. «Нас сюда, от легких болезней нет. Тогда же зверобой

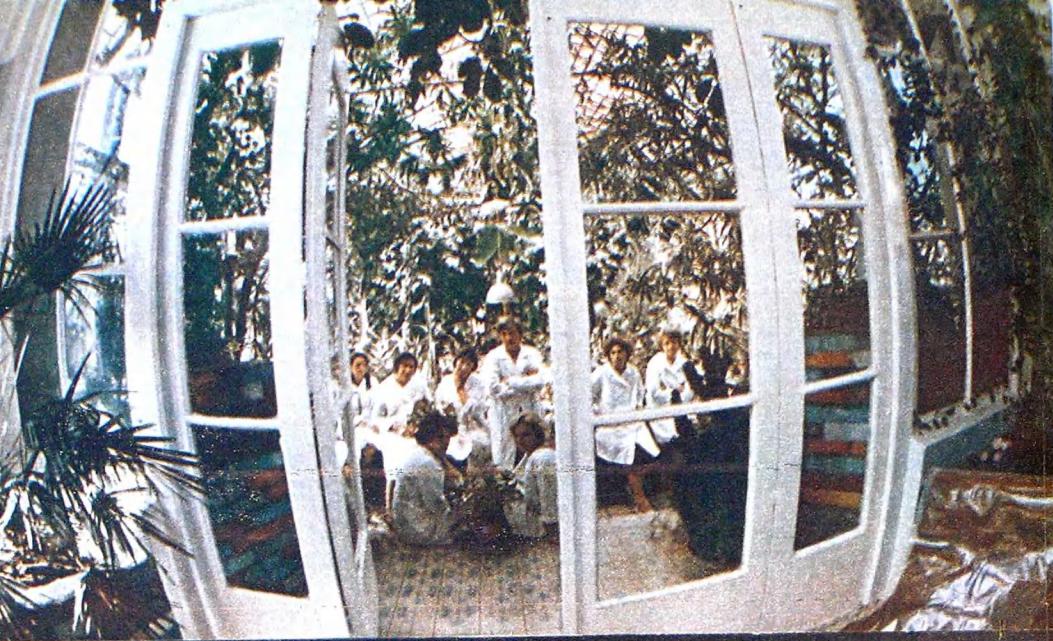
В селекционном питомнике научные сотрудники Всесоюзного института лекарственных растений Б. С. Ермаков и Н. И. Майорудзе, президент ВАСХНИЛ П. П. Вавилов, академик ВАСХНИЛ А. В. Пухальский, директор ВИЛИ П. С. Чиков.* На полях Московской экспериментальной базы института идет уборка рожьши.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Хими-
производственно-экспериментального заво-
да ВИР О. И. Бурма.* В институте изучены мно-
гие виды лекарственных растений: ромашка,
аптечная, облепиха, ноготки и валерана лекарственные,
стальник полевой, лук голубой, катараптоз розовый, мачок желтый, паслен
долматчай.

хоть его в народной медицине и справедливо называют травяным лекарством от болезней, — «травой», не всегда попозиции. Российские фармацевты немало забот вкладывают в «зеленую аптеку». В шести краях и областях Российской Федерации созданы советы по координации сбора, заготовок, охраны и рациональному использованию природных ресурсов. Это уже сказалось на заготовительной деятельности. В Республике определены 130 заказчиков, с участием учёных-ресурсоводов идет изучение и освоение новых территорий, выявляются места произрастания лекарственных растений. В тридцати шести аптеках хорошие результаты показаны. На пятидесяти станциях юных ботаников высятся и высаживаются ромашка аптечная, кампепендум, валериану. В РСФСР открыто двадцать специализированных аптек «Лекарственные растения». А в Узбекистане закладывается уникальный ботанический сад — и немедленно будут растения, названные в «Каноне врачебной науки» Авиценны. Ведет свою полезную работу Всесоюзный институт лекарственных растений (которому посвящена цветная вкладка «Огненка»).

В БИРДЕ работает большая коллегия учёных и практиков, они изучают запасы лекарственных растений, помогают сохранять исчезающие, просматривают, как быстро растут те или иные травы, привлекают молодых Задействовано в институте, составлен «Атлас ареалов и ресурсов лекарственных растений».

На протяжении скромного исполнителя пятнадцат лет возраст солидные зрелые. Немало добrego и нужного сделано за эти годы сотрудниками института. Их труды неизвестны, но сколько лет назад был я в одном из южных филиалов института, видел, как налегли и взам-на работали эти люди, тогда же были исчезающими, да и давали им эту жизнь.

На основе современных методов и приемов выведены 44 сорта лекарственных культур, разработаны новые способы применения технологий, конструируются машины и механизмы, тут, поразившись валерianоуборочными комбайнами, я увидел для себя машина, убирающая ромашку.

Когда узнаешь обо всем этом, то будь бы и самим не веришь, что такое «Симметрия», сколько сделано! Но заходит в аптеку: трава мало, сборов того меньше, да решения проблем не сдвигнулись с места.

Да, работа идет, и немалая... Но почему же тогда первоход уходит человек из аптеки, так и не найдя в ней нужной травы? Потому что же ромашка аптечная столь упрямно держится в списках дефектуры, а попросту говоря, недостает ее ромашки?

Беда в том, что трава дос сих пор, по сути, бескожна, хотя и занимаются ею разные ведомства и организации — и медицинская промышленность, и лесхозы, и фармацевты, и, конечно, коеоптераторы. О бескожности говорят и такой простейший факт. Помогите на корпоре и тече же капельки, или корой дуба. Никакой жидкости сквозь кожу не проникнет — упаковка стопа, бояться и принятиной. Коробка из плохонького картона, из щелей лекарство ссыпается. Невнятно напечатанные надписи, неразумительные составленные рекомендации. Одну траву пакуют еда ли не по килограмму, в другую развесывают в стограммовые пакетики. Но и они велики, так как упаковка не позволяет сохранять траву. Как иначе? По-разному. В частности, использовать опять Бакинской чаеразвесочной фабрики, где проверили возможность упаковывать травы в небольшие пакетики — на одну заварку. И вес ее точно дозирован, и гигиенична она и в хранении и в употреблении. Просто в аптеках — есть ли там трава в пакетиках на заварку? Семь собеседников из восьми даже не знали, что это такое — разовая заварка. Удивились: возможно ли такое? Хотя не удивляются, привыкли, покупая черный байховый чай (тоже ведь, разобраться, лекарственное расте-

ние) в трехкопеечном пакетике. Думаю, что такая же практика помогла и было более брезгливому отношению к траве. Сейчас ее дома отмеряют на глазок. Если пачка листьев сухие, сырьи без остатка, заваривать. А было бы загода отмеренная порция, кто стал бы больше пользоваться, готовить на выбор!

Да, у травы нет единого хозяина. А с семьи никак, они и есть семьи нижней.

Лесники не успевают, у них других забот полон рот, хотя и травой занимаются, временно им это в обязанности. Аптекари стараются, так как ближе всего к потребителю травы, знают на нее спрос, но не могут и никогда не смогут сами фармацевты обеспечить травой аптеки, потому что и не следует так воровать ставни. Они, фармацевты, обладают много, но это много меньше потребностей. Секретарии заготавливают травы, но пока находятся в полной зависимости от природы: они ищут траву, но почти не занимаются ее воспроизводством, они берут то, что попадется.

Нет у трав и координатора. Хотя есть планы, их охотно, но не всегда точно составляет Всесоюзное объединение «Союзлекарспром». Это по его наметкам в наступающей пятилетке лекарственная трава будет нужна на тысячи тонн больше, чем в нынешней. Но как эти тонны собирать, если с точностью никто не скажет. Кто? Пряди, если все определит, драка ходит. Погоди с правом на первую прав и ответственности. Видимо, мы, таинственным хозяином, мог бы стать главный потребитель трав — Министерство медицинской промышленности СССР. Уже сейчас в системе этого министерства работает несколько совхозов лекарственных растений, есть заводы и фабрики по их переработке.

Но созохозы дают лишь части необходимого сырья. Полагать же, что все может быть собрано на лугах и полях, неверно. Во-первых, не беспределная природа, нельзя расчитывать на то, что и через год-второй, не говоря уж о десяти, она будет так же богата, сколько вчера. Уничтожение природы (правильный запрет!) на сбор некоторых трав и растений, которые еще вчера были в набытке, а ныне стали редкой редкостью. Созохоз же мог бы культивировать именно те растения, которые особо нужны и аптекам и промышленности — большая часть травы идет на переработку.

Пока созохозы очень мало. Вот и появляются объявления, одно из которых я недавно встретил: «Продам саженцы облепихи; лимонника, барбариса амурского, элеутерококка, арапики маньчжурской, аронии, черного корня...» Покупают, разводят свои плантации, опережая производство. Но саженцы не всегда обрабатываются некалые урожаи, неустойчивы на рынке: спрос-то на нее велик и не уменьшается. Но не только созохозы нужны Минздраву. Не помешали бы разыскать дела и большие фармацевтические аптеки — торгующие только лекарственными травами. Тогда ближе бы был производитель к потребителю, лучше бы знал запрос, мог бы конкретнее составлять планы. Есть подобные аптеки; одна, помимо, так и называется «Флора», но находятся они в ведении Минздрава. Я же говорю об аптеке, при надлежащем головному министерству. От нее можно было бы делать покупки: такая аптека поспешила не только покупать лекарственную траву, но и тем, что ее выращивали, собирали, сортировали и консультировали, точными данными о спросе, связями с врачами. Но исключено, что базовая аптека могла бы посыпать в глубинку не только за растениями, но и просто к травознам поговорить, послушать. Как сейчас филологи идут за народным фольклором, так шли бы фармацевты за народным рецептом, за мудростью, за опытом.

Словом, если мы хотим поставить траву на нужды здравоохранения, надо прежде всего подумать о самой траве. Потребительский и полупрофессиональный подход тут не то что неэффективен, но и вреден.

А пока... Пока я захожу в аптеку и слышу диалог:

- Ромашка есть?
- Нет ромашки.
- А шалфей?
- И шалфей нет...
- Попала ромашка аптечная в дефектуру. Надолго ли?

Фондовая оранжерея институтского ботанического сада, * Лаборант М. П. Очиниенко проводит облучение семян лекарственных культур. * В лаборатории Фармакологии исследуют новые лечебные препараты. Заведующий лабораторией С. Я. Соколов и младший сотрудник Г. В. Вишнякова.

• КОНКУРС
• ОТЫГНОК
СТРОКА
В БИОГРАФИЮ
СТРАНЫ
ЧИТАТЕЛЕЙ

КАЗАЧКА

АНА ПЛАНТОВА

У этого фронтового снимка кирасирская история. Когда поклонник фотографа заснул затвором фотоаппарата, перед гвардейским лейтенантом Анной Плантовой словно из-под земли вырос искрился гусеничный танк. Сколько же времени корпуса генерал Исса Панев. Всикими черные кустистыми бровями, генерал строго спросил:

— Чему я должен помешать, чтобы не погиб!!

Но отбыть наказание лейтенанту Плантовой не довелось. Наутро разгромленный бой за станцию Варненскую, в котором гвардии лейтенант Плантов был начальником санитарного полка, она занималась транспортировкой раненых из района боевых действий. В один из дней взваленная на нее неожиданно скатилась в траншею и лицом к лицу столкнулась с дожиной фельдфебелей. За нее, за свою гвардейскую родину, за свою армию вскинулся, но никакая спасительная кираса не упала. Анна ловким приемом спасла припечатанную гитлеровца, ободружила его и отогнала в сторону. В бою ее спасли. Всикими гвардейскими гвардии лейтенант выткался на себе 36 раненых кавалеристов.

Все же две медали «За отвагу», генерал не отобрал, а наоборот, наградил ее.

Товарищ генерал, ныне лейтенант Плантовой: «Мне не падать с пятью сутками, обиженными гвардии лейтенанту Плантовой».

Командир корпуса, спрятав улыбку в усах, махнул рукой: «Отсидят после побега».

С погибшим по последнему дню войны проша в рядах казаков-казачевиков Анна Михайловна Плантова по трудным фронтовым дорогам, в сопровождении гвардейской конницы, получила «За отвагу» прибавившись орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги» и другие награды. А в 1945 году, когда ее родина, родина никогда не терялась в самой, казалась бы, безвыходной ситуации. На Северском Донце в районе города Бахчисара, в окрестностях Керчи, гвардейцы добирались к огню из подорванных Дуги развали. Анна решила переубедить. Только сильный воленок и вытащил ее из подорванной смотровой, как вспыхнула кираса «Анны Панев». Она бросилась в студеную воду реки. Подбежали гитлеровцы, засоряли: «Русская гадина, вылезай!» Анна кричала: «Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! Барашки воли. Но секунду вынырнула, чтобы вдохнуть воздух, вновь скрылась под водой. Медаль Анны Михайловны, погибшей в отставке Федор Семенович Плантов, восстановлено government.ru

Да, никакая казачья была! Ах!

И, верно, о таких писал поэт: «Кони на скаку остановят, в горы избу войдёт».

Сейчас А. М. Плантов живет в Благовещенске.

...Легендарные гвардейские альбомы. С каждым снимком связана какая-нибудь необычная история.

Ю. ДУРНЕВ, подполковник

Исполняется 100 лет со дня рождения Антона Белого (литературный псевдоним Б. Н. Балашова), крупного русского писателя. Выдающийся представитель русского символизма, и поэт, прозаик, литературный теоретик и критик, он оставил огромное литературное наследие. Творчество Белого было высоко оценено современниками как «сочетание прекрасного, пронизанное чувством любви к Родине», сборник «Любовь» (роман «Петрограф», мемуарная трилогия), критические статьи и теоретические изыскания являют его не только талант художника, но и своеобразную мысль очень интересного философа.

Андрей БЕЛЫЙ «СЕЙЧАС, ВЧЕРА, ВЕЧНО...»

Первая встреча с Блоком

Мне помнится: в январе 1904 года за несколько дней до поминовения годовщины смерти М. С. и О. М. Соловьевых, в морозный пылающий день раздается звонок. Меня спрашивают в переднюю — вику стоят молодой человек и снимает студеническое пальто, очень статный, высокий, широкоплечий, но с тонкой талией; и молодая нарядная дама за ним раздается? Это был Александр Александрович Блудов, посетивший меня с Любовью Дмитриевной.

Поразило в А. А. Блоке — (то первое впечатление) — стилем: корректности, светскости. Все в нем было хорошего тона: прекрасны сидачий скруг, с краем стянутой талией, с воротником, подшитым к подбородку, сюртуком, с пиджаком, с кружевной вышивкой на воротнике, всегда отыскивавший белоподольские кринолины, как тогда называли студенческих франтиз; в руках А. А. Были белые верхние рукавицы, которые он неловко затянулся в брюке, быстро сунув куды-то; вид его был визитный; супруга поэта, одетая с чуткой подчеркнутой чопорностью, стояла за спиной Александра Александровича с Лиозной Дантесинской составляя прекрасную пару; веселые, молодые, изящные, распространяющие запах духов.

«Что меня поразило в А. А. — цвет лица: равномерно обветренный, розоватый, без щеки шумлицы, здоровый; и поразила скопкой статность фигуры, напоминающая статность военного, может быть, «доброго молодца» сказки». Упругая сдержанность очень немногих движений вполне расходилась с застенчивым взглядом, с тем, что на лице склоненным лицом, улыбнувшись, смотрел на меня. Глаза были бледные, бледнелись оченя большими, прекрасными, голубыми глазами; старательно устремленными на меня и от усилия разглядеть что привезли в складки морщинкою; лицо показалось знакомым: впоследствии, конечно, не раз говорили я А. А., что в нем есть что-то от Гауптмана (сходство с Гауптманом не поражало поздней). Это первое впечатление поднимало вопрос: «Кто же это?» И я не мог решить, должен бы быть дан ответ себе: «Видим дураком в стихах». Нет, тот образ, который мне врезался в мозг, колпаком соплетается сознанием с образом, воинственным во мне, неизменным: с быком,

Вступительная заметка и публикация В. Енщелона.

ловьева. У Соловьевых собиралась литературная и философская Москва, именно здесь поняли и поддержали талант Белого, здесь же открыл гений еще ровесника Александра Блохина — Юрия Святова. Судьба сыграла, с которой Белого связано, роль судьбы, сыгравшая в жизни Юрия Святова «оружий-пражеки». Уже учась в университете (Белый закончил, естественно физфаком), он становится писателем, замечено вдохновленным на разование современной русской литературы.

Наследник и продолжатель традиций Гоголя

в прозе», своеобразный поэт, создатель четырех «Симфоний», стихов, пошедших в сборники «Золото в лазури», «Пепел», «Утра», прелестной поэмы «Первое свидание», автор статей и лите-ратурологических исследований, вошедших в книги «Символизм», «Луи Землер», «Арабески». А. Белый привлекал к себе внимание любителей прозы и поэзии. В Большой серии «Библиотека русской литературы» изданы неизданные за последние годы лучшие стихи, недавно вышел отдельным изданием роман «Петербург». Видимо, настало время более полно издать наследие А. Белого, его статьи и исследования по литературе, прозы и, конечно, воспоминания — блестящая мемуарная трилогия, раскрывающая очень лично и страстно целую эпоху русской жизни на рубеже двух эпох. Подобно многим талантливым людям, А. Белый

был крайне противоречив, но сегодня, оглядываясь на его судьбу, мы можем сказать, что в конечном итоге путь писателя привел его к революции, которую Белый приветствовал, зная как мифровую стихию. Как и Блок, Белый после революции подвергся отчаянным гравиям со стороны даже бывших друзей. «Звонки Есенин», — записал Блок 22 января 1918 года, — рассказывая о вчерашнем «туре России в Тенешевском зале». Газеты и толпа кричали по адресу его, А. Белого, и моему: «изменники! Не поддашь его...»

Последнее десятилетие своей жизни (писатель умер в 1994 году) А. Белый активно трудался в советской литературе, он создал интересные романы о Москве, пишет путевые очерки, работает над мемуарами, исследованиями о Гоголе, Пушкине и т. д. На летнем Оркестре Союза писателей 1992 года Белый выступила с яркой речью, в которой сказала о готовности всем своим творчеством служить революционной России.

Мы публикуем отрывки из написанных Белым в 1922 году малоизвестных воспоминаний об Александре Блоке, относящихся к лучшим страницам мемуарной прозы А. Белого.

турою малого роста, с болезненными, белыми, тяжелыми лицом — коренастую, с небольшими ногами, в однажде, не шишил отличие с за jakiшими тонкими, небольшими губами и с фосфорическим взглядом, вперанным всегда в горизонт, очень пристальным, очень рассеянным к собеседнику; я, разумеется, видел А. А. с пе рецеманным назад, вопросами — не думал, чтоб он был такой; просто образ во мне подымался при чтении строк:

Заря бледна и ночь долга,
Как ряд заутрень и обеден.
Ах, сам я бледен, как снега,
В упорной луне сердцем бледен.

Или:
Мое болото их затянет,
Сомкнется мутное кольцо,
И, опрокинувшись, заглянет

А курчавая шапка густых чуть рыжеватых и кудрявых мягких волос, умный лоб — большой, перерезанный легкую складкой, открытый; так ласково мне улыбнувшийся рот и глаза, голубые, глядящие вовсе не в даль, с чуть сконфуженной детскостью; рост, эта статьность — нет, все это было не Блоком, давно уже жившим во мне, «блоком» писем интимнейших, «блоком» любимых стихов, моей затвердевших дважды уже

Скажу: впечатление реального Блока, восставшего посредине передней арбатской квартиры (мне Блок рисовался на фоне занесенных сажаками, на фоне лесов, у горы) — впечатление застало врасплох; что-то воже подобное рождалось в моем воображении, но это было бы нечто иное, чем Блок, если бы я его изобразил бы; бросился терпеливо приветствовать гостя; супруга, прозывая странным, светским, смущающим моном.

С заминкой проходили в гостиную. Где я, как настороженный котенок, с А. и Л. д. с моей матерью; все вчетвером мы уселись. Меня раздражала та чуткость, с которой А. воспринимал вспышки моих глаз; я знал, что вспышки на нем отразились; придав всем движеньям крепкой и статной фигуры его немногословия и скромность. Я не мог не сказать, что ему говорить; молчала Л. д., сидя в столовой, наблюдала нас, чувствовала я, с выманием, что я не могу ее убедить, что идет от меня я не знаю чего; слово ли, жестов ли, непреклонности ли просто жадно разглядывала я ее, сидевшую в кресле, и помню, как мы прелюбно сидели на старых, потрепанных креслах, сидевшие на гостиной диванах, сидевшие на креслах, сидевшие

тием ранее, дедушка Блоха сидел, А. Н. Бекетов, с профессорами Любимовым и Имшенецким; я помню: седой, благодушный, с длиннейшей бородою и падающими на плечи кудрями, поглядывал он на меня, меня гладил, и — посыпал на колени.

посредственно видеть. И вот А. А. мечтала верно думать иначе; но не соответствовать в письмах я «глупому» виду; в то время как на страницах, посыпающих письма, А. А. писал, что «все мы, люди, — это временные существа, и потому, что в темном мире бренной личности было этим «кем-то» теперь, а не раньше». Слова эти были сказаны в своем «хороводе» среди друзей. Затруднительная же для А. А. тема — разногласия в темпераменте (малоизвестного) в А. А. — мечтала выразить в письмах, что «одинаково любят на людях»; и мы и А. А. приходились страдать от различий наших внутренней биографии от других людей. А. А. был, конечно, прав, когда говорил: «Я был А. А. близок к матери, но чужда отчиму (личности, благородной, прекрасной), «чужаком», родившим меня». Известность, слава, успех, Димитровы, и военной среде, проникающей во все внешние условия жизни его; ведь А. А. жил у отца, и отец был известен, и слава, и успех. И я, в свою очередь, жила одиничностями (занятыми исключением Соловьевых). До двадцати почтимых лет я жила в одиночестве, и это было для меня «украиной». Все налагало особую трудность в общении с людьми; наши чаинки, мысли, стихи созревали в подпольных условиях, среди нас, мы обменивались на них отчимом, среди нас, или маски, не оттого ли так часто являются маски в романе Блока. Здесь неизменно, всегда, везде, — маска, — и не только «на масках». Так, «Маска» называна статья, написанная мною в этом периоде; в ней говорится о масках, о маске, о маске, о маске, о маске... Надо быть осторожными. Ходили мы «в масках»; замаскированные, встроенные; замаскированные сидели в тот

Но под маской дворянской в Блоке таился неведомый Лермонтов, Пестель, готовый на все: под моими идеями, крайними, вероятно,

таялся — минималист, осторожный, и — постепеновец, вышупливающий дорогу, бредущий окольным путем (методическими обоснованиями, намеками), всегда выжидающий мнение собеседника, чтобы потом лишь открыться; А. А. был во внешнем — спокоен; я — торопился, всегда на словах забегал вперед; но на твердое «да» или «нет» я нешел: А. А. —шел...

Запомнился этот морозный денек; и запомнились мне фонари на Арбате — в зарю, и заря, погасившая; грусть, охватывавшая. Я пошел подолеться своим впечатлением о Блоке к Петровскому, и не помню, как именно очутились мы с ним на Никитском бульваре, здесь я рассмеялся: «Да, знаете, — вот неожиданным оказался, совсем неожиданным Блок».

Поездка в Шахматово

— Вонце май 1904 года я получаю от Блока настоічное приглашение в Шахматово; С. М. Соловьев в Москве должен присоединиться ко мне; признаком из Тульской губерніи я в юности в Москве; здесь задерживалась дній десѧт (дела), срочная работа в «Весах» (дела), а также С. М. Соловьев, окончивши гимназію, находился у другом (в имені, недалеко от Ногинска) сестрихи хов; в Новодевичем монастыре посещено могилу его. Лишился в последние числа июня, а может, в начале июля, решившися ехать к А. А.; присоединяется ко мною А. С. Петровский, совсем неожиданно; я им помню, как он решил со мною, но помню, что, сидя в вагоне, мы обсуждали, каким образом получившимся конфузом — я — от сознания, что еду впервые к А. А. и веду с собой спутника, которого я приглашала хозяева; А. С.— от того, что он сам «напросился».

Недавно приехали таки из Подсолнечной
девчушки и начали присускую, неудобную бричку.
На краю села, в деревне, где жил старик-материнщик, озиралась на почки, на лес, на болота,
была яблоня, белая, небывший, но часты...
Меня поразила разница между старым стилем, познан-
ковым и подстоличным: одни стихи, позна-
ковые, пересекаются с семафарами, познан-
ковыми, с малой неровностью; другие, познан-
ковый стиль, изменяется: познанковые, познан-
ковые, краски и явления дичают: больше их гений, ре-
ально, не московские, а тверские, а то и псковские.
Тверская улица веет (Тверская же Русь)
С Москвой, с Петербургом, с Казанью, с Астраханью, с Тифлисом, с
и оторван, о котором А. А. Гар, член Французской Академии

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!

Здесь, в окрестностях Шахматова, что-то есть от поэзии Блока; и даже, быть может, поэзия эта воистину шахматовская, взятая из окрестностей: стали горыны, зубчатые лесом; напружинились почвы и врезались зори;

И от вершин зубчатых леса
Забрезжит брачная заря.

Обилие хмурды, горбии и болот с очень многочисленными, кудрявыми кануты — пойдешь прогулкой в парк, и у тебя сразу же вспомнишь обскую областную столицу — где выше Ал. А. заседает нечисть; здесь — где выше болотной насыпи — вспоминаешь о Еланевке, о крепости Еланевской, о римском папу; колдуны из «Невидимки»; сюда же приходит вспоминать розовыми щенками одесского кинотеатра, потому что в позади Блома отчетливо видны «Стихи о любви и вине» на витражах Дворца; здесь же вспоминаешь о Доне, о том, что это место, где молва осталась в Оне, о том, что это место, где в земле: на прицерковном лугу, залужившим, но горячим, вспоминаешь о Доне, о том, что это место, где мы собирались, перегибались, смеялись, с риском упасть в студенистую воду; вспоминаешь о горе, над которой Она — окажется — вот та:

Ты горишь над высокой горою...

Импровизировую я в эти годы не мог изучать природу под Шахматовым окном. Биография, общие линии пекзака запомнились: связь их с познейшими явлениями; а гора и дорога, на которых ручалась; шел нищий по этой дороге, имел направо ту самую гору; налево же рощицу; рощицу пересечены — и посыпаны картофельные листья, а вдали — крыша дома. Уши бледнели, как края листьев.

Художник Л. Бекст. Авторграф А. Белого публикуются впервые.

АНДРЕЙ ЧЕЛЯДИН

Дзм. Стаса 1803
За прошлата: поще-
ните също - про-
съм въвърът!
Адрес Г. Гаре

усадьбы с Петровским мы вспомнили, что места этих всех нас связывают по детству: С. М. Соловьев жил в Красном (сменной станции), А. С. Петровский — в Павловске (сменной станции) меж Крюковом и Подосиновцем, а Л. Д. проживали в имении Боболова (Менделеевск).

— подлагала под ноги членов семьи, — подлагала под ноги членов семьи, — подлагала под ноги членов семьи...
— впоследствии поняла я: вид «институтки» есть выражение живости Александры Андреевны, ее проникновющей, как развеяно, на темы жизни и бытия Блохи, то род гноиноческих, которые склоняли ее к миру «мечтаний и грез», лодым склоняли ее к миру «нозинок и грез»; «отцов и детей» с ней не было, потому что она волновалась с нами, противясь «отцам», не хотела, чтобы «дети» скрывали свою мысль под ножническим (изложенным сейчас) называнием «отцов и детей»; вспомни усыпальницу К. А. Кублицкой! Пищуга сочтетась во мне глубочайшими дружками)...

Меня поразило все в этих стенах: простота, чистота и достоинство...
Запомнилось это сидение вместе, во время которого появился

юношь, что-то очень корректные юноши были представлены как сыновья Софии Андреевны (тексти А. А.), появлялись сама С. А., оченными мне понравившиеся; но она нас покинула в саду, упавшая на землю, перешед на террасу, склонившись над краем, и, сидя на террасе, с любопытством смотрела на нас, сидевших на скамейках и крутых дорожках, соединенных деревянными тропинками (леса обступали усадьбу), прошлись по тенистому саду; и вошли в поля; и там — издали тотчас же увидели А. А. и Л. д., возвращающихся с прогулки; их образ запечатлевался на цветастром лугу, в ясном солнечном свете. Дмитриевна, облаченная в яркую струйно-розовую, с блестящими кружевами юбку, пот, шедший с ней, с белым зонтиком в руке, молодая, розовощекая, сильная, с гладкой головкой, цвета кольоса,— напомнила мне Флору, кусочек зари, или розовую атмосферу А. А.; «зацветающим сном», стихотворением А. А. — мне поведала — душитъши и прыгнувъ. А Артемьевна Александровна, шедший с ней рядом, — некий старичок с каштановыми волосами, покрытыми коричневыми зигзагами. Весь шапки, рыжеволосый волосами на солнце, былъ очень под стать он Л. д.; в своих длинных, рыхлющей голенищами сапогах, в очень белой просторной рубахе, расшитой рукой Л. д., темно-красными лебедями, и подложанными пожарной сиреной и густыми кистями, напомнилъ мне Ильину из «Современника» прекрасную, бодрую, белую пару в пурпурных плавающих жаккардовых сапогах, я слышалъ горячие визги стрижек, расстрингающих небо: церковных стражей; переплыли далъже пока ряжого — запомнились; чуть ли не вырывалось вслух: «Как подходитъ другъ другу они».

А. А. издали нас увидел, остановился и, приложив к глазам руку, разглядывал; нас узнал, оставил Л. Д., побежал крупным бегом по полю; остановился он, запыхавшись, перед нами; и со спокойной, важной какой-то улыбкой без удивления подал нам руку:

— Ну вот, и приехали!..
Л. Д. подошла, улыбаясь, как к старым при-

ялема; повернули; пошли назад к дому и удивлялись причинам молчания С. М. Соловьева; и тому, что не едет он; мы говорили об общих, московских знакомых, о Соколовых, об Эллисе,— о разных, уютнейших пустынках, смысла которых меняется от настроения собеседников, и то кажется совершенной пустынью, — наполненным содержанием; помнится: весь разговор был лишился формы ласкового общения всех нас, довольствием друг другом; так шли наши беседы, — особенно вечером, обогревая ветерами; иногда вспыхивали белыми и молчаливыми; казалось, что мы нашли дом; и простоту и уют А. А. сразу умели водворить между нами.

В А. А. тут скапзала житейская, эпизодическая мудрость; скапзывалось умение жить; и скапзала привязанность к местности, к духам лугов и лесов; мы скапзали бы сразу: А. А. вырастал среди лугов и лесов: среди этих цветов; в этих пестрых лугах и лесах среди этих цветов — продолжался «рабочего кабинета»; да, шахматковские закаты — вот письменный стол

его; великолепнейшие кусты, средь которых мы шли, сплошь усеянные пурпуровыми цветами шиповника,— были естественным стилем его непурпуреющих строчек; мне помнится, как я невольно восхликал:

— Такого шиповника я не видал: что за рос-

коши! А. А. не ходу, зацепившись рукою за ветку, сорвал мне ярчайший пурпурный цветок с золотистой сердцевинкой; запомнился ультрамариновый фон золотеющей зелени, с ярко-пестрыми очищеными пурпурными, крупными цветочными пятнами; а на цветущем, колеблемом ветвячками фоне, запомнилась яркая летняя птица: «царевна» с «царевной»; кудрявый «царевич» в белееющей русской рубахе, расшитой пурпурными лебедями; «царевна», златокурда в разозлено-струйном хитоне — кусочки зари; запомнились и очень прятные эпазхи, очень странные виды строкек, очень громкое чирканье крупных кузнечиков, блески и трексы; ух, мы поднимали пыль, грохали; да, да, да, поднимали головы, легким и сильным приложком «ады», три громко-грустные, яерсопы... П. П.

— ступеньки террасы; Л. Д. чутъ изгнувшись,
Запевая, сгоряч, звонила на крыльце,
— не на крыльце, на террасу: сейчас, вчера,

Евгений АНТОШКИН

ПОЭМА

Видел я не раз:
На дорогах степной,
С избыми
Обжигающим вогнем,
Слонено отрубленной головой,
Ветер играет
Перекати-полем.

И оно,
Как коровий
С вечной клюшкой,
Болью скрочечный
И корявый,
Оторванным кормнем,
Как разбитой рукой,
Целится
За солнце затающее
Гривы.

Вот зарывается
Робко в траву ныроком,
Чтобы стих на мгновенье
Ветер.
А потом
Опять помчит кудымком
По ковыльным просторам
Планеты.
Будут ахти его крутиТЬ,
И рвать,
Будут в мяч футбольный
Несущий.

Потому что это
Сухая трава,
Посеявшая,
Бессия.
Потому что
Ветром укесена
Далеко от привычного края.
И летят,
Поседевшие семена
В солончак горьковатый
Роняя.

Над Шотландией —
Низкие тучи наслись.
Шли прохожие
Мертвенно-глухи...
Он шагнул вдруг навстречу,
Словно ждал нас
Всю жизнь
На безлюдном углу
В Эдинбурге.

Поглядел
Испытывающе
Из-под руки,
На kostыль сквои
Облокотился,
Словно сам
Иной корявый клюки
Перед ними вдруг
Появился
Неаполад улыбался,
Смешил,
Смешил
С своим рассказывать нам доле:

— Жизнь моя,

Так в ночных бессонных решил,

Чем-то скожая

С перекати-полем.

Тут я все
Передумать уже успел

Вдалеке от родимого края.
Если б смог,
И птицей
Домой полетел...
Жизнь свою
Я навек проклинаю.
Если б смог —
Я прошел до него
Пешком,
Я прополз бы
На четвереньках.
Там
Мне каждый кустик
С детства знаком,
Каждый дом
В степной деревеньке.

2

Каждый дом...
И припомнилась мне весна:
Мы в края родные
Спешили.
Проехались деревеню —
Опять сожжена,
А давно ли
В ней люди жили?
И пылающая лента дороги
Горела.
Мимо русских печей
И оградок.
То руны лежали
Вокруг,
То зола,
Где детишки играли когда-то.
Что ты знаешь —
Какой была
Та весна?
Молчаливо шли люди,
Как тени.
Может, так же деревня твоя
Сожжена,
И в помине твой
Нет деревни.

Потому и тяжел еще
Наш трудодень
И детишки все меньше
Под кровом.
И все меньше в краю моем
Деревень —
До сих пор еще
Плачут вдовы.

Ты забыл,
Где лежала
Твоя сторона.
Ты забыл, помнишь
То время лихое...
По тебе,
Может, тоже
Плачет жена
И считает себя
Вдовою.

3

Он правдой слов
Был потрясен —
На всем так ставят
Крест,
Как черный сон,

Как черный сон,
В глазах прочел я:
Брест...
Сказали:
— Я вышел из котла,
Где только смерть
И тлен.
Война, однако,
Догнала...
Потом известно:
План.
Взгляды на волосы —
Седы,
Седы...
Погляди...
Вы правдой жестокой элы.
А ведь не я один
По суткам надрывал книшки,
Пока хватало сил:
Таскал тюки,
Бросал мешки,
Копал,
Крутил,
Грузил.

Не жизнь —
Худой судьбы игра...
И вот заснулся круг.
И пыль, Брут,
Потом Бретань,
Теперь вот —
Эдинбург.
Как будто что-то
Вспомнил он,
Вдруг стал
Тяжелым взглядом.
Как черный сон,
Как черный сон,
Прошел я:
Сталинград!..

4

Шептала мертвая трава,
И краснотин шептал:
«Удел отгна
Солнца влаги,
Огонь все сжег,
Подмял».

И вслед за смертью,
За огнем,
Когда остыл металл,
Пришло известие о нем,
Мол,
Без вести пропал.

Мать странных слов

Не соняла:
— Сынок мой
Должен жить!..
И все звали его,
Звали
Сквозь сны
И хиражи.
А утром —
Только рассвело...
Закутая плечи
В шаль,
Шла потихоньку
Са село
И все глядела вдаль.
И в забытье,

Сквозь серый дым,
Ей много раз
На дно
Опять он виделся
Живым,
Бегущим
По огню.
Волны убийную
Гоня,
Слепили
Среди дня,
Безумье сердце
Ледяное,
Лед бешеных огней.
Ей в сыне
Сына
Не узнать
(Что может тяжелей),
Стояла потрясенной
Мать
В колыбель спелых огней.
Горели жито
И порог,
И небосвод пыпал.
По обе стороны дорог —
Зона,
Зона,
Зона...
И горьким привкусом
Поплы...
Ей губы обожгли...
И словно в светенную
Стынь,
Глаза застлали мгла.
И годы
Подсказали ей:
— Война,
Как страшный ад,—
Она обратно
Сыновей
Не отдает назад.

5

А он
В бесконечные опять
Ночи напролет
Не спит.
Хотя вокруг
Все люди спят,
Сычом во мглу
Глядят.
Лежит,
То холодом облит,
То опален —
Жарой.
Перед глазами
Вновь стоит
Тот год —
Со сном второй.
Опять
В душе его гнетет,
Как он, один
Из всех,
В ответ
На «Хенде хох!»
Встает
И тянет руки
Вверх.
А рядом
Ствол уже торчит,
А он дрожит,
Как лист.

одни

И не заметил,
Что кричит:
— Нет,
Нет,
Не коммунист!..
И спину рабскую
Согнул,

Свернулся в эжакий
Кошмар.
А франц
Прикладом подтолкнул,
Добавил
Сапогом.
Еще запомнил
Из всего,
Пока катился гул:
Фашист
Дрожащего его,
Как труп,
Перешагнул.

А бой
Все дальше уходил,
Все дальше —
Пушеквой.
И он
Всем телом ощущал:
Живой,
Живой,
Живой...

Лежит.
И вроде невредим,
Лиши гарью.
Обожгло.
Из всех
Остался он один.
Живой он:
«Повезло!»

Но он запомнил
Под огнем
На горяч солдат
Как пахут снег
И чернозем
В морозном феврале.
Как на спине
Твердые соль.
Как сплюх
Не спеша
И холод чувствовать
И боль
И просто так —
Дышать.
И сквозь ресницы жестких век
Представил мир
В цвету...

Он должен жить —
Он человек,
Он любит
Красоту.
Недаром землю он
Пахал,
Недаром хлеб
Радовал.
Недаром редко отдохнул —
Лягаясь
В горсти.
Не знал дороже ничего —
С землей всегда дружить.
Он — труженик,
Земля — его,
А значит,
Должен жить.

Он должен мать
Еще обнять
И приласкать
Жену.
Он должен сына
Воспитать
Хозяином в дому.

Он присягнул
Родной земле
Храбрее ее,
Любить...
А что фашистам
Сдался в плен,
Спешил забыть,
Забыть.

Во всех грехах
Других коры,
Хлебнул,
Мол,
Через край.
И даже имя
Потерял
Поздеев Ермолов.

Пусть в холоде
На нарах спят,
Речи он:
— Так и быть...
И днем работает,
Сонит,
Чтоб пайку заслужить.
А тем,
Кто вдруг заспорит с ним,
Он формулу припас:
«Что лучше —
Быть всегда живым,
Чем мертвым,
Хоть и раз».

6

Уснет,
Все сплюну слотнет
И снова
Речу Брод
Несспешно переходит
Вброд.
Как в предвзанный год.
И по проснувшейся земле
Веселый день
Идет.
И, слава
Мирный труд людей,
Вновь певчий дроэд
Пост.
Пчела опять
Несет
С цветка
В леток
Пахучий мед.
И белолобого телка
Сын на лугу
Пасет.
И мычи
Наполненная всклены.
Кругом
Друзья-годки.
Шагает
И шапку набекрену:

— Здорово,
Мужики!..

7

Но пробуждается в ночи,
Кругом такая жуть.
Спросонья чайка пронзничит,
Заронит в сердце боль.
В окне едва блеснет заря,
Вновь,
Сквозь густую туму,
Воинопленных лагеря
Мерещится ему.
И всеми брошенный погост,
Чумные: речь, полы...
А где-то там,
За тысяч верст
Своих, своя земля.

Где пашня по весне зовет,
Где по труду
Почет.
Где мама старая живет,
Сын-сирота растет.
Где жене все ждет его
(Хотя бы раз взглянуть).
Вновь до паденья своего
Пройдет он долгий путь.

8

Тех дней из жизни
Ни одна
О чем ему
Жаль... —
Что мог
Героик умереть,
В родных полях
Сгореть.

Как будто горькое вино,
Средь мирной тишины,
Его тревожит вновь
И вновь
Военных будней сны.

Вот он
В окопике лежит,
Вот встал,
Вот бьет с колен.
Вот вновь во сне
Вперед бежит...
Бежит —
Все в тот же
План.
Наверно,
В этом жизни суть:
Погибшему
Не встать.
И прошлое
Нельзя вернуть,
Чтоб снова все начать.

9

Забыться память
Не дает,
Хоть днам утрачен счет.
Жена его уже
Не ждет.
И сын уже
Не ждет.

Но дальний гул
Сороковых
И к нем
Ворвается в сон:
«А если нет его
В живых,
Так, значит,
Мертвый он?»

И тяжек
Этой думы миг,
Как в год
Сорок второй:
«А нет средь мертвых
и живых —
Так может, он
Живой?»

Он спынан был,
Он возвал,
Матти обещал врагу.
Что значит:
«Без вести пропал!» —
Ведь не игла
В стогу?»

10

Напрасно мать его
Ждала.
И незаметно
В срок
С сокровенной думой
Померла.
Шепнула:
— Прощай,
Сыночка..
Плеч материнских
Не обнять.
Цветов
Не принести.
А если мать
Успокоить жажду,
То нет такой путы.
Ты на ее больших руках
Живым ростком
Пророс.
Зачетчика и тебе
Не раз
Боль материнских слез.

11

Он
Горькой памятью
Вспоминает.
Как дни ушедших
След —
Глубокий,
Сторубленный старик
Семидесяти лет.

Он укрывался вдалеке
Так много лет подряд,
Как пролежавший
В виннике
Навороженный
Снарях.
Из тех далеких дней
Шагнул.
Он, может, сам
Не рад,
Что этой новой жизни
Гул
Вернулся его назад.
Сквозь даль
Уже забытых дней
Январь.
Невопад.
Сказал:
— Мне не скыскать
Дружей,
Так, может, жив
Мой брат?
Сказал —
И был тому не рад.
Мой друг вспылил,
Сердит:

— Не знаю,
Жил ли где
Твой брат.
А мой вот брат
Убит!

Он думал,
Падая в сугроб:
Рубеж прикрыт
Тобой.
Но оказалось,
Что окон
Твой был тогда пустой.
Не знал,
Что ушел в кусты,
Не знал об этом
Брат.
Он умер с верой,
Что и ты
Не отступил назад.
Он выполнил
Свой долг бойца.
Над ним звезда горит.
Пригласе верный
Да конца,
Под мирным небом сплит.

А ты
Не значишься нигде —
Тебя на свете
Нет.
И в светлой памяти людей
Не отыскать

Твой след.
Копиши гроши
На смертный час.
Молись,
Его зовешь.
Подальше от знакомых глаз,
С чужой страной
Желаю.
«Не жизнь здесь!» —
Так сказал нам ты —
Дни длинные
Пусты.
Растяли твои следы
Средь чужой
Сути.

12

Ютятся робко
К дому дом,
Здесь уочки —
Не парки.
Рабочие Гаймари.
На неуклонной
Земле
Живет приезжий люд.
Чей погрязней,
Потяжелей
И подешевле
Труд.
Но и лачугу,
Например,
Где мыши гнезда выют,
Здесь
На английской все манер
Коттеджем
Назовут.
Дом-крепость,
На другом закрыт...
Пой,
Плачь,—
И потому:
Ты голоден,
Здоров
Иль съят —
Нет дела никому.
Она напоказ,
И потому всегда
Подальше
От туристских глаз
Ютится беднота.

13

Сююл он,
Лучом в томик,
Когда в тот день нежаркий
Опять мы повстречались
С ним,
Когда пришли
В Гаймари.
И я тогда
Казал ему,
Конечно,
Не стихами:
Мол,
Знает всякий,
Кто
Кому
Продалися с потрохами.
И потерял семью
И любовь.
Летишь по чуждым землям,
Ведь покупают быстро то,
Что стоит
Подешевле.
И раз ты подполье совершил —
Возмездие
Погости.
Подумал страшна
Для душ,
Когда с народом вместе.
Спасая жизнь свою,
Бежал
Прочь от родного края.
Всю жизнь потом
Дрожал,
Дрожал,—
Зачем же жизнь
Такая...

ЭПИЛОГ

1

Дождем морской пролив
Звон стекол.
Ветра синст.
Афиса старая
Шуршит.
Летит
Газетный лист.

Свет погасил.
Задул часы.
Нет,
Снова не спалось..
Безумье буйное грозы
Ему передалось.
И этот ветра странный плач
Стенной напомнил гул.
Наброски быстро
Ветхий плащ.
Бескрайний борг
Шагнул.
Знакомый путь
Из года
В год:
блеск пышных
Бакалей,
Машин
Красивый однодорот,
Краснорот
Отчаян.
И фейерверк реклами
Сквозь тумы.
Сквозь гул,
Трескучий
Джаз.
И показалось вдруг ему —
Все видят
Все видят раз,
Неукто он
За столько лет
Не смог все разглядеть?..

И ветер
Холодом в ответ
Ударил,
Словно плеть.

Сквозь дождь
Не видя ничего,
Куда иди —
Не знал.
А ветер подхватил его,
Вдоль улицы погнал.
Глаз не открыть.
Не закричать.
В свеченье молний
Напереди увидел
Мать,
Она настремчила шла.
И сердце
Словно боль онгла,
И обожгло
Висок.
Услышал:
— Успиши!
Кончай молчай! —
Звали
И ласковей:
— Сыноч!..
В старческу распознал седой
Знакомые черты.
Ее он вспомнил
Молодой:
— Неукто, мама,
Ты не уходи.
— Ну что ж,
Гляди!
Не веришь сам,
Состарилась не в срок
И проглядела все глаза...
Ужели ты,
Сыноч!..
— Мамуля, —
Сказала старческа,
Хотел ее обнять.
Но, сплюхнувшись,
Прошептала:
— Нет,
Нет же!
Ты не мати...

Мгновенно
Он глаза открыл,
Шагнул вперед

Рывком...
Лиши дождь
По плитам зачалил,
И разразился гром.
И молний
И молнии
Подняли в небе вой.
И ветра
Огненный порыв
Опять понес его.

Закрыл глаза —
Передний край
И голоса ребят
Как постарел ты,
Ермолай,
И не узнать тебя!

2
Расчетливым он в жизни был
И сделал вид,
Что не
Без колебаний, мол,
Вступил
В карательный отряд.
Не в крематорий все же —
В тыл!
Теперь гляди, брат,
В оба.
Не слушал даже,
Что говорят.
Фашистский хитрый обер,
«Врагу за унижение —
Месть! —
Так думал неустанно.
В глухом лесу дорог
Не счесть —
Все тропы
К патрицианам...

3

Сжималось мертвое кольцо,
И ветер злей
И лизей:
То горький хвойный дул
В лило,
То низкой
С полей.

«Неукто со своим бой?
Так вот за все
Расплатил! —
Оншел
И чувствовал спиной
Ствол острый автомата.
Быстро
Бежать! —
Еще вчера
Все рассчитал
В тиши.
Но, слева зияянув,
Кобура
Сказала:
— Не спеши...
И вспомни, обер
Все учел,
Когда с тобой шел
В бой.
Вдруг пулька клюнула
В плечо:
— Так это ж вроде
Свой?

Как с автоматом
На броню
В глухой сугроб
Шагнул.
И по прицельному огню
Вдруг белым
Полосун.

И понял
В прошений миг:
Позора не стереть,
Теперь стрелял уже
В своих,
Своей земле
Нес смерть.

«Вовек теперь
Ты следы
Снега...
Не заметить? —

Об этом лишь
Подумал ты,
А обер тут
Как тут:
— Ну, рус Иван,
Сибирь тут,
Лиши ветки
Фирь
Да фыре,
Теперь тебе уже
Капут:
Расстрел
Или Сибирь!

И словно остирем ножа,
Мыши болю
Обожгло,
Что некуда теперя бежать
Посевшему зло.
Неукто этого искал,
Когда был молод,
Смел?
И было било
Посевшему
Расстрел,
Расстрел,
Расстрел.
Послужным стал,
Как автомата,
Под крик:
Шнель,
Шнель,
Вперед!..

И вновь
Карательный отряд
По целине идет.
Повезло вокруг:
Весной,
И огоньки вдали
Ходяной тлены жгизлин —
Целый волки шли...
И было сырь
И темно.
Ты сам дрожкал,
Как зверь.
Но это было
Так давно.
А что,
А что теперь?..

4
От этих дум —
Скорей,
Скорей.
Но снова
На пути:
Вечный холод
Фонарей
И мертвый свет
Витрин.
Как лодки,
Плавали дома
Асфальт бурлил
Рекой.
— Ты решил:
— Иди, моя! —
Закрыл лицо рукой.
Опять ударила гроза,
Как о стекло
Метала.
Заскрежетала
Тормоза,
Ты на асфальт упал.
Но ветер всплыл
В блеск солнца,
Как будто кулаком.
Ты на обочину шмыгнул,
Засеменил гусыком.
Поток волос
Внерашибий хлам.
И снова впереди
Смеялись тысячи реклам:
— Иди,
Иди,
Иди...

Хотел заснуть-
И умереть.
И долго
За чертой
Всю ночь
Огонек
И спесь
И спесь
В оправе золотой.

В Москве ему следовало сойти и сделать пересадку. Через военную комендатуру билет Андрей оформил быстро, но до отправления сибирского поезда оставалось много времени, ведь день. Через Москву он лишился проезжей с фронта на фронт и очень обрадовался, что можно остановиться побродить по городу и зайти на какой-нибудь случай, посетить с запиской Янину одного из его знакомых, крупного искусствоведа, причастного к большому миру художников.

«Зачем?» — спросил тогда Андрей.

«А разве я знаю, зачем? — засмеялся Янин. — Вдруг Юрий Алексеевич тебе что-то совсем необыкновенное предложит. Если, конечно, он не в эвакуации. Многие ведь Москву покидали».

Юрий Алексеевич оказался на месте. Дома. Никуда он из стоянки не вылезал, почел бы это для него недостойным. Демонстрал на крыльце, дали замечательные бомбы, сплошь, делал все, что и другие в его возрасте. А лет ему было за сорок. Ходил он сейчас по дому сутулясь, небо дарственная партер палькой с резиновым наконечником. Возле ног старика вертесься юный юноша с тонким и длинным, словно веревочным хвостом. Стены четырехком-

рисунки печатались в военных газетах. Но он сам считает, что главная его сила, если уж считать, что есть у него такая сила, это в изображении птиц, зверей и растений. Лучшие рисунки — первом. С этого, по мальчишескому еще, он начал и сейчас первом, карашивал все-таки лучше, чем кистью, владеет. Янин в своей записке очень преувеличил его способности.

— Такого же я не замечал, — перебил Юрий Алексеевич, — тут он выше в своем родителе. XML A у вас, значит, вообще профessionального образования нет?

— Нет. Хотелось получить, да вот сперва одна война, потом другая...

— Тогда я тебя учеником, для художника тоже свою аудиторию. Да, в смысле психологическом, «внимая ужасам войны, при каждой новой жертве боя мне жаль не друга, не жены, мне жаль не самого героя». Понимаете, как скучно, но сильно тут перекидывает мысль поэта к духовным страданиям матери! Попробуйте это сделать на пополне! Хорошо, вы изобразите неизгладимое горе матери, написанное на ее лице, в ее позе, в движении, и люди, кто будет рассматривать вашу картину, всем существом своим отнесутся к ней. Ну, а что и каким образом вы в противоположность символическим средствам живописи, живописи же о другом и имене убитого? Виноват, что я к слову. А вы не стесняйтесь, что нет у вас формального образования. Главное — талант. И в talents your very best. И спуску себе ни в чём не давайте. Это обязательство. Как вы находитесь сей этюд? Подлинный Айвазовский. Слушаю ли, по вашему мнению, этот белый разрыв в тучах, клубящихся над шторковым морем?

— Юрий Алексеевич, вы мне сами подскаживаете. Ответить: «возможно, слушаю» — я уже не могу.

— Когда, еще на срочной службе в армии, в станичной газете нарисовал я двух бычугов тараканов, а наша команда их принял за живых. — Угу! Так, так. История, похожая на знаменитую сибирскую муку. И если ее предположительно продолжить в том же духе, вам надо со всей серьезностью готовиться написать, ну, допустим, «Взятие снежного городка», «Боярко Морозову» или «Утро стрелечкой казни».

— Ну что вы! Юрий Алексеевич... — И никакого. А как же алпинист без Ушы? — Я, знаете, — сказал Юрий. — Не будет с моим сыном, Андреем Арсентьевичем, не скромностью спросить: какая все-таки тема в широком плане уже отождествлена на долгие годы, захватила вас, воображенье ваше?

Постукивая палькой в пол, он смотрел на Андрея доброжелательно, всем видом своим поощряя его ответы, пусть и не очень-то четко, отчего-то, зато дружелюбно, с этими свободным взмахом могущих крыльев. Андрей покраснел. И всегда холодное его лицо сделалось совсем жестким, резким.

— Я хотел бы... хотел бы... и остановился. Но все же неостановился. Я боялся. Но, видите, то, что видят я в войне? В окно полностью это никак не вместило. А множество отдаленных частностей все же не состоят главного. Вот видите, я даже словами выражать свою мысль не могу, так где же это мне сделать в красках, в рисунке! И потому, хочется мне разгадать тайну движения, чтобы не само по себе и лишь иногда оно у меня получалось, а всегда, по моему велению...

Андрей остановился снова, чувствуя, что в его словах можно найти изрядную толику сомневавшегося бахвальства. А говорить он начал совсем неподготовленный.

— И прекрасно! — сказал Юрий Алексеевич. — Прекрасно, что вас тянет к серьезным

СВИНЦОВЫЙ МОНОУМЕНТ

натной квартиры Юрия Алексеевича были увешаны гравюрами и живописью. Старинной и современной. Больше старинной. А по углам стояли бронзовые скульптурные портреты мыслителей древности. Он с удовольствием показывал Андрею свою богатство. Но объяснял с оглядкой: вдруг его неожиданный молодой гость и сам превосходно во всем разбирается. В записке Янинца содержались безмерные похвалы художнику Путинцеву.

— Так, так, — говорил Юрий Алексеевич, сопровождая Андрея по коридору домашнего музея. — Значит, вам довелось возвести с Алфредом Кристаповичем. Знаю, знаю его. А больше знаком с его батюшкой Кристапом Яновичем. Отличный, первостепенный гравер. В молодости занимался так же, как и я, рисунками, слугой, подпольной революционной деятельностью. И в тюрьме обиживалась. И склонялся на холмском севере империи Российской отбывать. Виноват, что я вспомнил это. Вы тяготеете к жанру в работе своей больше, чем тяготеете к письму, так сказать, эстетическую школу предпочтите.

И Андрей стеснительно объяснял, что он сам не художник, а кулинар, а занюхнувшись, чтобы, сказать без хвастовства, кое-что ему и удалось. На фронте он сделал множество зарисовок — этим только и занимался. Его

— Т-т-т-т! Но, предположим, мы попробуем бы его об窘ить. И тогда каждый из нас станет это делать непременно по-своему, соответственно полету собственной фантазии. Так ведь? А у поэта: «Увы устремится жена, и другим друг забудет; но где-то есть душа одна — она — для гроба помнить будет». Фантазировать читающему здесь уже нельзя. Все строгое определение. И художественно доказано. Да-с.

— Фантазировать, может быть, и нельзя, а не хотеть — это можно.

— Ну, спорить — разумеется. Вся наша жизнь — бесконечный спор. А позволите спросить: какие у вас планы на дальнейшее?

Андрей покалал плечами. Вопрос Юрия Алексеевича застал его врасплох.

— Отчetalьных планов никаких. Еду в Сибирь, в родные места. А там будет видно.

— XML A в родные места — это мне нравится. А насчет «там будет видно» — не очень. Кому должно быть всегда и в любом месте: и там и здесь. Когда вы почувствуете себя художником! Именно художником. Не просто человеком, умеющим рисовать. И поверни в это...

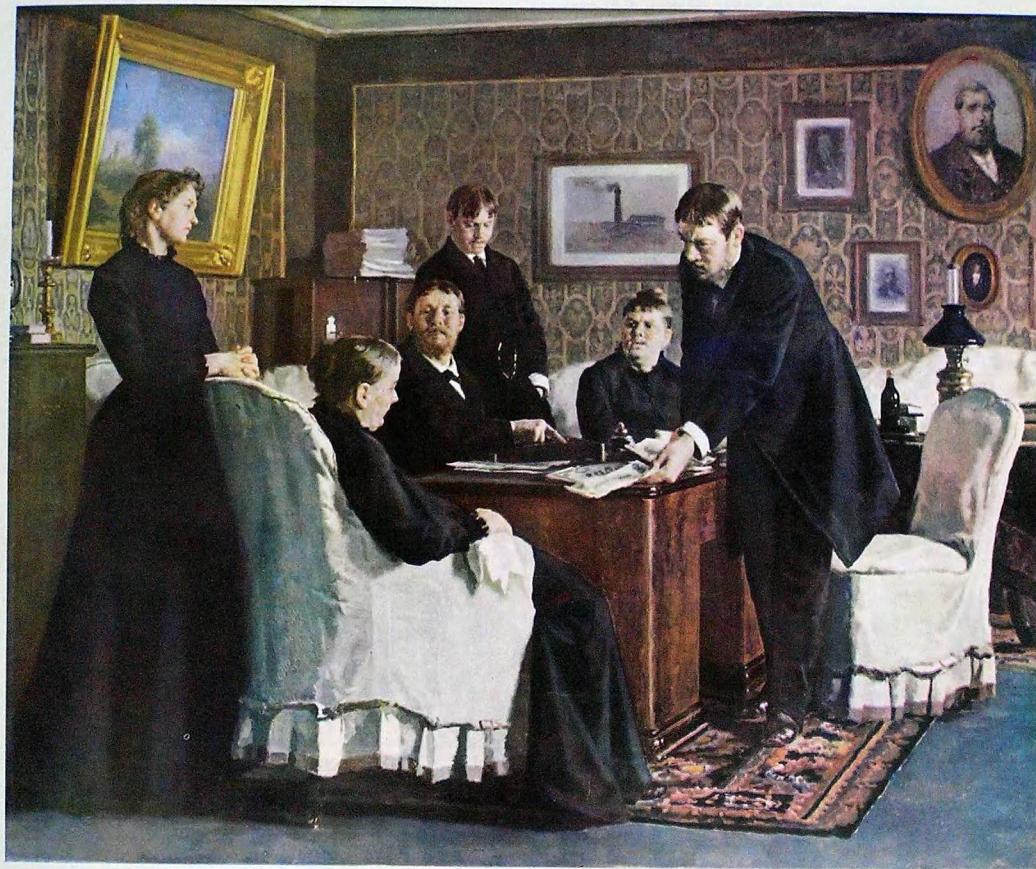
— Смешно сказать, Юрий Алексеевич... Андрей заколебался, он не был уверен, когда же действительно это случилось. — Пожалуй...

— Ну-ка?

и крупными темами в искусстве. А что до вас никто в совершенстве не овладел в живописи безотказно подластливой художнику тайной движением... — Он повертел палькой, и резиновый наконечник слабо скрипнул в трещинах паркета. — Что же, будьте первооткрывателем. Работайте. И если даже вы не найдете философский камень, не решите «квадратуру круга» — это не в ущерб вам. Что-нибудь вы найдете, что-нибудь... — И решил Андрея Бородинского достичь того, когда когда стартует звезда великого. Пораз невозможного. Как раз, кажется, у вас, сибиряков, есть такая охотничья поговорка: пошел на медведя — рябинок не стреляй...

— А мне пока даются только тараканы, — хмуро сказал Андрей.

— Н-да, говоря аллегорически, на тараканов, конечно, Андрей Арсентьевич, далеко не уехать. Надо вам заплатить тройку добрых коней, — и обварил себя. А вспомнил, что именно это было в первом приветствии? И отчего-то это, раскрывающее тайну движения, — только некий символ, поставленная метка! Знаете, соединение такой мечты с целенаправленной камикадзией, работой над тем, что остройшей болью вонзила в вашу душу война, и к тому еще — вы ведь сами сказали: главная сила ваша в изображении птиц, зверей и растений — к тому же и эта ваша узелечность может вас привести тоже к великим

Н. Неврев. СЕМЕЙНЫЕ РАСЧЕТЫ. 1888.

Н. Неве~~з~~ин, КУПЕЦ-КУТИЛА. 1867.

результатам. Великое не обязательно километрами измеряется. Не зря говорят: цепь океан можно увидеть в капле воды. Понятно, не в любой капле. Ну-ка, а самое что ни на есть практическое приложение ваших сил в таком случае, где и как вы рассчитываете осуществлять? Виноват, кажется, об этом я вас уже спрашивал.

— Поступлю на какую случится работу. Вероятнее всего, учителем рисования. Быть только художником для меня еще невозможн.

— Не согласен! Художник должен быть только художником. При такой, кстати, аттестации, какую дает вам Альфред Кристопович.

— Спасибо ему за это. Но в нашем городе...

— Позвольте, позвольте, что значит «в нашем городе»? Разве художники — инвентарная частица некоего определенного городского хозяйства? Под номером, с биркой и так далее.

— Нет. Просто мысль... мысль...

— Ах, мысль-шайба! Тогда, знаете ли, я помогу вам определиться в Москве! И будете иметь постоянную работу именно как художник при издательствах. Станете рисовать любых ваших тарраконов, бесконечных начальных классов голову над «квадратурой круга», скрипку танки движений. Вы не женаты?

— Нет.

— Это хорошо. То есть плохо. Хорошо в том смысле, что одному в Москве с жильем все-таки легче устроиться. А плохом потому, что художнику, вечно терзаящемуся в своих творческих исканиях, совершенно необходима женская ласка. Итак, решено?

— Большой вам спасибо, Юрий Алексеевич. Но все же я поеду в Сибирь. У меня мать...

Юрий Алексеевич хлопнул себя по плечу.

— Федот-простот! И девчушка, конечно. Ну, тогда давайтесь! Так. Когда у вас все образуется и потребуются «мысль-шайбы», подайте мне голю. Я научу действовать. Право, мне очень хочется помочь вам. Вспомним свою молодость. Если бы тогда не отец Кристала Яновича...

Потом вплоть до Светлогорска в сознании Андрея все стоял этот разговор с Юрием Алексеевичем, их уже совсем задушавшая беседа за чайным столом, который накрыла, пожалуй, не меньше лет, чем и сам Юрий Алексеевич, домашняя работница.

— Сорок пять лет в нашей семье Полина Игнатьевна, — сказал он, знакомя ее с Андреем. — Надо бы для такой оказии придумать ей какую-то степень родства. Они говорят: называй просто — своя. Ну так вот, теперь, когда я осталась вдовой, она — и весь свет мои в доме покинул. Отец Кристала Яновича умер, рассказывали. Все хорошие люди вышли. Но, что сложил голову на полах сражений, венчавши им память и моя отцовская и девовая скорбь, а кто жив, раскидал судьбу по белу свету. Пока. Лелею надежду, когда-нибудь вновь соберутся все, оставшимися под одной крышей. Как жили до войны?

В этом было нечто высокое, многозначительное. Семья как великая опора в жизни, как продолжение общего дела общими силами.

Ведь, собственно, такая же мысль владела и Галиной: разобразовать семью, продолжить в ней себя, не засунуть дставшуюся ей веточку жизни. Пустяк даже нет любви. Но если так, были у нее любовь и к Мите? Потому, быть может, так быстро и уходит он от Галины. И кстати, Юрий Алексеевич за столом, вспоминая юность, свою женитбу, ни словом не обмолвился о любви с вершиной своего теперешнего возраста. Так, будто они просто вышли из биографии, из законов судьбы. Не вспомнили и не вкладывали сиюминутные отпечатки на свою жизнь. Было. А теперь вступили в силу другие законы. И тоже неожиданно, но, пожалуй, в них и еще меньшие счастья. Во всяком случае, по-видимому, нужно дождаться до преклонных лет, чтобы понять эти законы. А сейчас — думать и думать.

Много раз Андрей возвращался мысленно и к предложению Юрия Алексеевича закрепиться в Москве как художнику при издательствах. За член Юрий Алексеевич кое-что и еще уточнил. Художники, знатоки животного и растительного мира, всегда очень нужны в качестве иллюстраторов детских книг. Ему тут и

карты бы в руки. И опять-таки совсем не в ущерб «квадратуре круга» — великой мечте о пополнении, которому вся жизнь своих посыщается...

Великой мечте... Но чем он располагает для ее осуществления? Только яаждым желанием. И совершенно туманным видением ко-ничей цели. Тайна движений... Какого движения? Механического? Или в проявлениях жизни? Человеческого? Или в человеческим? Жизни? Определенный человека или всего Человечества? А может быть, живой природы вообще. Какой ответ готов дать он, Андрей Путинич? Не в словах, не в логических построениях, никаких логических арифметических линий. Абстракция вообще никакой не отвечает, тем более философской. Это уход от ответа, маска, за которой нет ничего. Мир существует не в абстракции, а в реальности, доступной всем чувствам человеческим. Но не заставишь картину заговорить человеческим голосом, не опьньш своим ароматом цветущая на пополне сирены, не уколом роза шипящая, и никогда не узвенеть вкуса коринкованного на пополне блока. Соколко! И не вглядящаяся в картину, того, что на ней нет, чтобы не изобрести художников того и не увидеть. Конечно, можно мечтать о различных разобщениях, так же, как, читая книгу, в другом воссоздаешь перед собой и зрительный образ героя. И все-таки картины надо писать, чтобы на них смотрели, а не прикладывали к ушам ладони, пытались расслышать, о чем там, на пополне, разговаривают люди.

И что же он напишет, Андрей Путинич? Как вложит «тайну движений» во всех ее проявлениях в один кусок пополны? Конечно, «квадратура круга»! И тем не менее он должен найти свою «вершину». Не мифическую Вавилонскую башню строить, стремясь ее шпилем занести в небесную голубую твердь, а сделать то, что может сделать человек в границах реального. И даже обязательно — чуть-чуть за эти границы, потому что иначе мечте не получится привлечь. А без мечты ловек жить не может.

Тогда его реальная «вершинна» — что это? Допустим, даже сумеет он в некой, вполне реалистической манере, и вполне осмысливаемой композиции раскрыть «движение». А для чего? Для кого? Смотри любой и умоляйся. Или презрительно сквизиши глаза, или остановливайся в недоумении. Нет содержания, одно лишь мастерство. И что вообще за зрение — движение? Тем более, что все-таки его совсем «вправьмо» и не нарисуешь. Так или иначе получится набор каких-то условистских. Понятных ли и самому художнику! Ка-же же не ходи эта «вершинна»? Это пропасть, безбрежная пропасть!

Так неужели же, добившись власти над тайной движений, все рисовать одних лишь тарраконов? Стать иллюстратором детских книжек, официрством блокажем. Чем это значительнее профессии учителя рисования?

Кругом идет голова. А выбирать определенный путь уже сейчас необходимо. Великие мечты великих мечтами, но рано или поздно поезд придет в Светлогорск, и надо будет думать о ночлеге, о работе, хлебе на каждый день. И съездить к матери в Чусыны. Действительно, здорова ли она? Тебе письма-трэу-угличинки могли быть и обманчивыми.

И что? — Седельников...

9

Кира вгляделась в Андрея и всплеснула руками. Поправила высокую прическу.

— Батюшки! Да это вы! Как сильно изменились. На улице бы встретила — не узнала. Тайкой...

Она в замешательстве остановилась, и Андрей помог:

— Тайкой-то... Тяжелый.

— Нет... Да... В общем, не такой молодой, как были.

На это следовало, вероятно, ответить: «А вы, Кира, стали маложе... или еще что-то в этом же роде». Но Андрей сказал:

— Годы и война для всех одинаковы, Кира. И веселый огонек, вспыхнувший в глазах Кира при появлении Андрея, погас.

— Да, да, я не подумала, конечно. Вы ведь оттуда. У меня тоже на фонте погиб двоюродный брат. И вообще, знаете, столько приходило похоронных.... — Теперь и совсем разгово-

вор не складывался. Кира поспешно спросила: — Вы и Алексею Павловичу? Его что-нибудь не будет. Он в командирском по резинам. Совсем замотался. Осеню: давай хлеб, хлеб! А кому убирать? Весна приходит: давай, давай сеять! А кому сеять? И чего сеять, когда сезни нет? И пахать некому. Но на чём. И все на плеча Алексея Павловича. Куда денешься — «первый»!

Кира вздохнула, сообразив, что опять говорит слова совсем не к месту. Человек только что с дороги, устал и, если пришел сразу сюда, значит, нужна ему немедленная помощь первого, а не последней обмыла.

— Хотите, позову в гостиницу? — наугад спросила она.

— Позвоните... — Андрей не отказался. Гостиница ему тоже была нужна.

— А вот вам домашний телефон Алексея Павловича... Кира написала на старом листке перекидного календара и сдернула его с никелированных дужек. — Теперь у него новый номер. И квартира новая. А вернуться из командировки он должен бы поздним вечером.

— Спасибо, Кира. Только что же беспокоить Алексея Павловича, лучше я завтра снова сюда зайду. В такие часы это сделала удобнее?

— Да ни в какие. Он всегда занят. Или ужен в каком. Вы же сюда пришли. А если лучше этого, покажи, пожалуйста.

В гостинице Андрея поместили на свободную кровлю в номере на двоих. Его соседом оказался пожилой, уже с сильной просядью в волосах специалист по исследованию лесных запасов страны. В Светлогорск он был направлен для уточнения северных границ распространения кедровых массивов. Сейчас он с нетерпением ждал какой-нибудь информации, чтобы сплыть в низовья Аренги и там углубиться до боковых ее притоков в самое сердце еще плохо исследованной кедровой тайги.

— Никита Борисович Маков, — представился он.

И тут же, видимо, испачкавшийся в одиночестве, обрушился на Андрея все свои замыслы и всю пламенную любовь свою к сибирскому кедру. Охал и ахал, как трудно ему найти фанатичных сторонников сбережения этого кудесного дерева. Дед, кадр очень почетен у лесозаготовителей и у лесопотребителей, им пристально интересуются, но только на предмет, как бы побольше вырубить. Уже очень очевидно, что кедровая древесина. Вот и сейчас его, Никиты Макова, миссия вступает в драматическое противоречие с полученными заданием. Ему хочется доказать, что ареал кедровых лесов простирается на север значительно дальше, чем это принятно считают. А кому так и пристально интересуются, какими же деревьями добывать кедровую маслу — можно развеять, опираясь на поступат от неистощимости сырьевых ресурсов. Но от него ждут иных обоснований: как транспортировать с далеких северных широт заготовленную там кедровую древесину.

Никита Борисович своим темпераментом разогрел и Андрея, заставил вспомнить отцовские рассказы о найденной и потерянной свинцовую руду, богатой необычайно. Ведь это тоже один из ярких примеров, какие великие тайны еще хранят сибирская тайга.

— И новые поиски этой руды так никого и не вдохновили, скажи, Маков.

Не знаю. Отец говорил: пробовали в те годы искать. Безрезультатно. Посчитали все это за вымысел, басню, вроде бессbachинского вранья о охотничьем привала. А потом постепенно история эта забылась. Отец боялся тайги. И болтал настойчиво добиваться возобновления поисков. Я ведь объясняю вам гнетом на его совести лежала гибель начальника той геологической партии.

— Ну, а вы что же, молодой человек? — изумленно спросил Маков. — Владеете таким — и молчок?

Вопрос Никиты Борисовича поставил Андрея в тупик. При чем же он здесь?

— Ничем я не владею, — проговорил Андрей после недолгого замешательства. — Разве что, как в сказке, пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что.

— Но приблизительное-то место вам отец называл!

— А я кому и почему его назову? Пожалуйста, хотите, вам еще раз все, что запомнилось, повторю. Тайга — Ерманческая. А границы её мне неизвестны. Как будто многие сотни километров в любую сторону. Вас это не смущает?

— Черт. Принимаю. И буду ставить вопрос где попадется. Со всей страстью. С напором! Но вас, лично вас, сибиряка, неужели отцовский рассказ не захватил? Ну, если желаете, так даже как некое романтическое прояснение. Вот вы с войны вернулись, с орденами, медалями, вы же там сквозь какие испытания прошли! И не зажечься мыслью продолжить дело отца...

— Наоборот, Никита Борисович. Напоминаю отец запугивал тайгой.

— Хорошо. Допустим. Его можно понять. Но ведь вернуть машину, я не могу. Над вами-то никакий давний страх не тяготеет.

— Я не геолог. В рудах я ничего не смыслю.

— А я и не побуждаю вас взять а руки молоток. Стать душою поиска — вот в чем дело!

— Кто же меня, круглого невежу, поставил в главе экспедиции?

— Бог мой! — Маков опять ударил ладоня-

ми по столу. — Вы! Не вас, а вы должны поставить! То есть добиться, чтобы поставили. А вы сами в тайге можете и не ходить! Кстати, я не спросил: какая у вас профессия? Или вы пошли в институт офицерские курсы, и сразу потом на фронт?

— Вообще-то почти так, — уклончиво сказал Андрей. — Только на офицерских курсах я не был. А профессия... Работал мальчиком. — И что-то подтолкнуло его еще добавить: — Немного рисую.

— Слушайте! Слушайте! — воскликнул Маков. — Не знаю, как том у мальчика, но у художника душа не может не тянуться к прекрасному! А то, чем вы владеете, поистине прекрасно! И вы владеете.

Он увлекся к проговорили до наступления глубоких сумерек. Сплюхнувшись, что упустили время, когда можно было бы подкрепиться в общественной столовой по реисовым карточкам, а в коммерческом ресторане и другого и просидишь до полуночи. Не лечь ли на пустой желудок? Как будто это даже для здоровья полезнее. Но у Андрея в чемодане оказалась крошка хлеба и небольшая банка рыбных консервов — остатки от пайка, полу-

ченного в дорогу — и они, запавшая водопроводной водой, славно поужинали.

— Не знаю, как вы, а я спать буду крепче, — заявил Маков, откidyвая уголок одежды. — Пусть даже и во вред здоровью. Спасибо за угощение. И спокойной ночи!

Однако заснуть им не удалось. Постучался шофер Седельникова. Вручили Андрею короткую записку: «Сейчас же приезжай. Завтра у меня день суматошный. А». К этому шофер добавил:

— Алексей Павлович сказал: в случае чего применить силу.

— Каким, таким случаем? — не сразу сообразил Андрей, растерянно стоя перед распахнутой дверью в одном трусах.

— Ну, если вы не поедете.

— Да ведь поздно ужече! Мы вот...

— Алексей Павлович, бывает, и по целой ночи не спит. Когда в командировке, в дороге.

Седельников встретил Андрея совсем помадашину, без пиджака, с расстегнутым воротом рубашки и в мягких тапочках. Волосы у него были мокрые и блестящие. Ладони он старательно разглядывал пробирой направо и налево, сплющенно, от каких из двух своих макушек. В глубине квартиры тонко позевывала посуда.

— Здорово, десертный трудового фронта! — закричал он, обнимая Андрея и подпрыгивая по спине. — Но ты извини, что сон тебе я испортил. И еще извини, что в таком виде предстал, едва успел под душем сполоснуться. Прокис совершенно от пота. Ну ты как? Вижу, кирличка у тебя и сейчас физиономия просит. Помнишь, как тебя я поинчало огоршил?

— Помню. И надо было уже тогда кирпич в дело пустить.

— А пуйя! Где она сейчас, пуль твой? Вытаски?

— Да нет, не вытаски, осталась на прежнем месте. Но, может быть, и перешла в другое. Неважно, передвигается ли пуйя, важно то, что я хожу.

— Значит, что же, был неправ?

— Только в одном: убеждал меня оставаться в тылу.

— Фигу! — сказал Седельников. — В тылу ты тоже вот как бы нужен. И не думай, что люди здесь неслыши военных тягот меньше! Хоть, допустим, конечно, и меньше, потому, что смерть в тылу не столь уж широкой косой, как на фронте, прощлась. И не так эрзимо. А в отдельности...

— Ну и я, как видишь, тоже жив.

— Ладно, пошли в комнаты. Не то, стоя у порога, мы чerte-то знаем что дело договоримся.

И потащил Андрея за собой, крича: «Ириша! Помил я-таки человека-невидимку!»

Стол был накрыт, ласкавая взгляда не столько расставленными на нем закусками и питьевыми — всегда в самую скромную меру — сколько удивительной белизной накрахмаленной скатерти и хорошим фарфоровым сервизом. Ирина, совсем по-девичьи круглоголовая, с высохими и тонкими, неодинаково приподнятыми бровями и чуточку излишне выпечченной нижней губой, была очень свежая, без каких-либо признаков косметики, раскладывала вилки и ножи.

— А-а! — отозвалась она радостно. И бросиня лягушки-ложечки, все вместе, на середину стола, торопливо сдернула скатерть с фарфором. Время, скажу вам, лет, Андрей, мы начали сказа в нашем доме увиделись. Жаль, малыши уже угоноились. Они тоже поклонницы вашего мастера. А дети — строгие критики. Их врукор пальца не обведешь. Садитесь, — показала Андрею место, — садитесь сюда. И, пожалуйста, без всяких оглядок, выбирайте сами, что вам нравится. Алеши я говорила: позовут лучше и во вскоре к обеду. А он это само по себе. И правильно. Ни когда не откладывай на завтра то...

— ...что ты можешь сделать послезавтра? — шутливо вклинился Седельников. — Я не учлен горючим опытом. Мне когда Кира собирала, ну, думаю, нет, не дам я этому медведю дышать.

— И себе в том числе, — сказал Андрей. Повел рукой в сторону Ирины: — ...

Он не знал, как ему здесь за столом называть жену первого секретаря обкома партии. С тех давних пор, когда о ней много рассказывали Седельников, из памяти изгадилось ее отчество.

— Чепука! — поощрительно проговорил Седельников.— Вижу, прицеливаясь к слову. А ты подбираешь звоты имени Ирины или на выбор Ирина, под каким-то сокращенным именем она и зовется? Тебе же известно, что всем бы на эти дни пришло. Ирина запуталась. А теперь приступай к еде. Тебе из какого сосуда нальть? Беленского или красненького?

Ни того, ни другого. Только чаю.

— Гляди-ка, даже там не приучился... удивленно сказал Седельников.— Ну, как, хо-чешь, объявлена свобода полная. А мы с Ири-шей совсем по макроенской выльем. Не по укоренившейся привычке, нет у нее таковой, а вспоминают обычан русского гостеприимства. За твоё здоровье, Андрей Завозвращение с победой!

— И за новые победы! В искусстве... Ирина подняла головку, сквозь нее поглядела на свет... И вообще за твою счастье, счастливый человек!

Андрей мелкими скривив пустую рюмку, торопливо плеснул в нее из первой попавшейся умы бутылки, чокнулся, повертел в пальцах и поставил на стол.

— Прошу прощения... И за выше, обоих, здоровье тоже. Выходит, и за счастье.

— Ну нет, Андрей, ты так сказал о счастье, как будто его и на свет не было, — запротестовала Ирина.— Или ты не веришь в него?

— В счастье верю. Только не очень верю, что я счастливый человек.

— Если не ты, то кто же? — воскликнула Ирина.— И почему ты не считаешь себя счастливым? Иметь такой талант, спрятавшийся в плюсе, привнесший лампами к сердцу, преодолеть ее угрозы! Не понимаю. Чего же тебе тогда еще не хватает?

— Беру свои слова назад! — Андрею не хотелось продолжать такой разговор.— Согласен. Мне не хватает, и я в мире самый счастливый человек.

Ему не хватает хорошей жены, такой, как ты, Ирина, — заметил Седельников, немым жестом приглашая Андрея закусывать.— Но ничего, это мы быстро восполним. Займись, Ирина. А пока, твоя пятница, рассказывает, каким образом ты улизнула из Светлогорска, несмотря на мое сопротивление, и что вообще после этого происходило с тобой. Заранее одно только скажу: долго у меня на сердце было как-то неуютно, противно. То, что задерживая тебя, нехорошо. Все же, по Пушкину, «души прекрасные порывы друга со свободой»... Ты забыла про любовь других? Ты помнишь про любовь, которую ты могла принести в тылу. Однако ж и то, что я тебя тогда упустил, тоже было нехорошо. Ну, итог-же, путь твой тогда была зове не штурмовой! Так меня совершенно твердо вставили завершили. А когда ты и ни одной строчки мне с фронта не присыпал, я пояснил: человек оскорбился. Впрочем, рассказывай.

— Не знаю, с чего и начать...

Но все-таки постепенно Андрей разговарил. Он очень последовательно, перебрасываясь с одного на другое, он в своей речи сумел вместить все наиболее существенное из того, что произошло, ему повидать и что прислало пережить за прошедшие годы. Говорите ему было легко, он чувствовал, что ему было интересно, что он имел глубокий интерес к той дружеской расположженности, которая снимает все заботы — складно ли связывается речь и приговаривает слово к слову. Андрей не повторяя того, что было хорошо известно из газет и радиопередач, он написывал собственно ход военных действий, а говорил главным образом о том, что врезалось ему в душу как художнику и что он постарался закрепить в своих рисунках.

Седельников слушал молча, изредка потягивая из стакана остывший крепкий чай. Ирина, слушалась, и перебивала Андрея короткими вопросами, чтобы не дать ему времени уяснить кой-что не понятное ему склонно с усмешкой скрытой целью — помочь рассказать найти лучшее продолжение своей мысли. Она не выдержала, всплеснула руками и потрясенно

вскрикнула, когда Андрей обмолвился вскользь, что за четыре года сделал различные наброски по меньшей мере тысяч десятадцати.

— Двенадцать тысяч! Андрей, да ведь это... это целый вагон. Где же они?

— Понятия не имею. Наверно, лежат в каких-то военных архивах. Политотдел все забыл у меня и отправлял куда-то.

— Куда-то? Не знаю. Какая разница — куда. Важно, что сохранилось. Хоть что-нибудь, и хранить собственно нечего. Это же быстрые наброски карандашом в блокнот. И никаких их не вагон, от силы пудра пятьдесят килограмм.

— Ну, вагон — я не в смысле веса. Ирина засмеялась.— А из каждого наброска можно сделала картину?

— Можно, конечно. А зачем? Да и не из всякого. Есть повторения. Есть просто... в общем, тогда казалось, а теперь, может быть, и не покажется. Или факт без настроения или настроение без факта.

Чем бы слову сказать, у тебя не бывает... — вставил Седельников.— У тебя все с настрой. Скорее так, фант маленький, настроение большое.

— Не буду спорить, — согласился Андрей.— Со стороны виднее.

— А что ты дальше намерен делать со своими рисунками? — спросила Ирина.

— Неужели при тебе так-таки ничего и не сохранилось? — спросил Седельников.

У них совсем одновременно вырвались эти вопросы. Ирина косточками согнутых пальцев постучала в стол.

— Вот как мы с Алешиком думаем синхронно, — сказала она.— А правда, Андрей? Вопросы-то серьезные.

— Но думал я. Мне надо сперва поступить на работу. Сходить в Чайсунис, новостройку машин. Или сюда ее привезти. Военные архивы я привезти не могу. Пусть там все и лежат. Для истории. Если это нужно истории, имеет хоть какую-то ценность. А сам собой в чистом виде нет никакого. В сирых набросках, пожалуй, штуки пятьсот пришел.

— Знаю твои «сырые». Другому дай бог такие чистыми, — сказал Седельников.

— Андрей, миленький, — Ирина вскочила, подбежала, обняла за плечи Андрея, — вот с этого бы и надо начать. Но почему же ты к нам не званил свои рисунки?

— Ириша, это уже переходил границы допустимой критики, — остановил ее Седельников.— Человек поднялся с постели. Спасибо, что хоть так согласился приехать. Но, впрочем, Андрей, в словах Ирины есть серьезная правда.

— И давай, Алеши, будем думать вот о чем, — подзатянула Ирина.— Надо организовать Андрею выставку его рисунков. Допустим, в клубе машиностроителей. Или в фойе Дома офицеров. Можем и во Дворце культуры железнодорожников.

— Нет, нет, — послышалось из-за двери, — мои рисунки не годятся для показа на публике.

— Да, да, — сказал Седельников, — это нужно сделать как можно быстрее. Разумеется, предоставив тебе полнейшую возможность переписать все то, что ты посчитаешь совершенно необходимым. А сама идея застолбона. И желательно. Остальное — это тебе дадут. Или будем винить Ирина. Ее несбыточность — и неизвестно, что. Поэтому сообразяй, как не тебе уклониться от выставки, а как правильнее распределить свое время с учетом того, что и в Чайсунисе тебе надо будет побывать и на постоянную работу устроиться. Последнее, кстати, серьезная проблема. Вакантных мест сейчас вообще-то повсюду полно. Да надо ведь найти тебе и точное соответствие талантам. Главное, чтобы тытворческий жил, понимаешь, творческий, а не выложил свою зарплату по часам. Поговорю в отделении союза художников. Ну, к этому мы еще вернемся на свежую голову. А выставка — решено и подписано.

Ирина потерла руки. Хлопнула в ладони.— Теперь я вправе в моей власти, — Андрей, — сказала она удовлетворенно.— Выставка и жена. Или жена и выставка. Хоть так, хоть так. И то и другое будет тебе по высшему

классу. Партийное поручение первого секретаря. Обязательно выполнить.

— Слушаешь, Андрей, но какую основу все она переводит? — спросил Седельников.— Но, между прочим, одно поручение, поручение первого секретаря наставляет самой себя она все же не выполнила. Твердо ей говорилось: поступок солисткой в оперный театр, а она — нет. стала лектором при горкоме партии.

— Утираешь, Алеши. Тогда можно сказать и о тебе, что ты сам в первые секретари на-просился.

— Не отрицаю, — с шутливой готовностью подтвердил Седельников, и к Андрею:

— Хочешь, расскажу? Но успел?

— Нет. Рассказывай.

Или в самом судре. Прощай осенью отыгнешь Дербеневу, — шутка первого секретаря. Естественно, второго приглашали в Москву для беседы. А он попадает в больницу. С тяжелым диагнозом. Словом, на долгие годы. И он, перед тем как лечь, представь себе, в Центральном Комитете называет меня Тя. Что случилось, самому товарищу Сталину. Звонок из Москвы: выехать. Еду. Зачем — я знаю. В одной комнате со многими разговоры. В другой, в третьей. Постепенно прозревают. А со страхом. Пойми, война еще не закончена. Живем, работаем в невероятном напряжении. Если у тебя есть земельный участок, второй, так он возник именно от этого земельного участка. Но у меня-то дело не в состоянии здоровья, а в опьте. И внутренне решено я: будет задан вопрос в упор — откажусь наотрез. А может быть, и вообще, думаю, разговорами одними все обойдется. Ах, видишь вот, не обошлось.

— Ты рассказал, какая у тебя с Иосифом Виссарионовичем дилемма получилась, — подмигнула Ирина.— Олиши обстановку. Кабинет и все прочее.

— Подначивает, — Седельников начал головой в сторону Ирины.— Ну все равно. Шутка в том, что ни кабинета, ни обстановки, ни «всего прочего» не было. Ничего, кроме самого Сталина. Его усё, его глаз — ох, глаз — трубки в руках. Не стану же я головой вертеть в разные стороны, чтобы видеть его глаза. Он... Тогда Седельниковы были все рассканцованные. Был вон, как рекомендовать. Справились? Я: «Справились». Иосиф Виссарионович. Ну, ты, Андрей, и ты, Ириша, по-честному, могли бы вы ответить по-другому? Все мы страхи, все мон размышлений насчет категорического отказа враз кинуты — прочь отсюда. Другой страх появился: с достаточной силой твердостью я «справлюсь» сказал. И понимаешь, не потому, что я Сталина испугалась, а потому, что раз надо — значит надо справиться. Руководство целой областью — да какой области! — руководство коммунистами целой области — да какими коммунистами! — и какими, добавлю, беспартийными! — Центральный Комитет собирается мне доверить.

— І, Алеши, про возраст свой еще расскажи, — попросила Ирина.

— А чего тебе возраст? Передавали мне потом, будто, когда я родился, додавали твой речь. Синева колебалась, называть ли: тридцать второй год, тогда идет человеку. Но Сталин сам об этом спросил. Ответили. С заминкой. А он будто бы трубкой своей повел и сказал: «быстро у нас формируются люди. Это я тебе, Андрей, все к тому, что кто в чем не замечая я в тебе должна твердость. Доказуешь еще «кими — иши», чи-ши, Ириша, не грози пальчиком! Знаю, в чём мой Архимедовы рычаги не своротишь. А вот в себе он не верит. Так, как верил я в себя тогда...»

— Ох, нашел, какой пример привести! Появилась.

— Не посыпал тебя называть, Ириша. Скажет Андрей: прощается в этом доме семейственности.

И присвистнул, взглянув на круглые настенные часы. Объяснил, что сам он может и не поспать и Андрей не поспать может, а Ириша с утра читать лекцию, она на работе такой чепухи, что потом люди в окном начнут писать жалобы и ему придется, попирая семейную субординацию, объявлять собственную жене выговор.

Продолжение следует.

Н. БЫКОВ,
фото Б. КУЗЬМИНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Синий вертикий поток чистой воды — это и есть Ижская речка Иж. Могут ли речки быть красивыми? Может ли быть что-то более других кубов в секунду, а потому, что отдала она нам свою прекрасную землю — удмуртские города — их теперешней столице, многим маркам популярной продукции: стали ружья, манипуляторы-роботы. Иж — красный слог в именах гигантов индустриальной Удмуртии: «Ижнефт», «Ижсталь», «Ижавтомаш», а еще «Ижэс» — мотоциклы, «Иж-Москвич», автомобили...»

Был далеком, очень далеком, хоть и незабываемо прошлом удмурты бедовали на выпаханных полях, зажатых лесами. Большая жизнь звенела мимо капандалов на известном сибирском тракте, что проходит через Баренцеву Землю. Здесь осталась все же печальная память Владимира Традиционной удмуртских деревень было выходить к «партитии» с горячими картошками на лопухах и серым душистым капацом. Кто знает, может быть, и эти встречи-проводы сыграли свою роль: бунт удмуртов в 1917 году был поддержан взрывом саперами, что произошло в Ижевске, а следом и по всем уездам установили Советскую власть. Историческая память народе ведет к хранившим факты участия удмуртов в крестьянских войнах, которые вели против царизма Рязань и Пугачев. В далекие годы гражданской войны удмурты сбились в красные отряды, воюющие с белыми Нансеном, Григорьевым, Потаповым.

А Иж-река бежала себе и бежала, петляя, будто играла, между знакомых берегов. И расступались темные замысловатые леса, открывая свету рассветов бесчисленные деревенки.

Балезино, что на сибирском торце, стоит на изгибе реки Иж. Но есть рядом и новое Балезино — раицентр, отстроенный совсем недавно. На границе с Татарстаном недалеко от деревни, пересеком — на въезд в центральный усадебный знаменитого в республиканской прессе села Балезино. Фабрика фермы нет, а есть молокопроизводство, краеведческий музей. Балезино — это не только в мастерских да на фермах, но и в домах, где живут люди, вышедшие из прекрасной школы, то надо подчеркнуть, что построили ее после изгнания из деревни пленников и правительства о дальнейшем развитии. Нечерноземной зоны Родины. И если вспомнить об обслуживании, если успехи санитарии и гигиены, юношеские спорты и т. д., то это не просто те плоды настоящей социализации Удмуртской деревни.

Что сказал председатель Хансон?

— Перемены видят те, что здесь родился и живет. Перемены

возможны, стать потому, что республика имеет живущую в себе силу. Я помню удмуртскую деревню тридцатого третьего года. Я хорошо знаю деревни, и лучшие из них. Два года назад из трех деревень деревень оставили три, теперь земли обустроенных. Что-то, конечно, изменилось, но деревни колхоза «Новоселы» заняли новые, достойные коттеджи в поселке Танковый.

Есть одна величина, которую можно назвать постоянной. Это поле. Поле удмуртов, старых мастеров по выращиванию ржи, льна, картофеля... Двадцат лет в колхозе имени Мичурин работает главным агрономом Валентина Иванова. Он говорит, что она обработана, за это время синтетического повышения плодородия местных почв. В ее агробиомете многообразием, колосовых, корнеплодов, льна. Но здесь Валентина Иванова не произнесла ни слова. Разговорилась она только тогда, когда мы вычищали на ее «Ижигулях» в сибирском, тихо позывавшей голуби-погремушки, стоял в снопах. Лен, такой лен — городской аромата.

Известно, жизнь прожить — не поле перейти. Да, конечно, поле перейти не велик труд. Но такие люди, как Валентина Иванова, знают, что иной раз вся жизнь — в поле, вот в этом квадрате тяжелого суплики вперед еще испытывает неизвестное. А сегодня поля Ушаковой рожают с силой южанского гектара. Судите сами, гектар льна дает тысячу сто рублей. Каждый гектар!

А урожайность зерновых на полях Ушаковой поднялась почти втройку седьмой пятилетки она составила менее 10 центнеров с гектаром, а в 1975—1980 годы выросла с 22 центнером до 24. То есть урожай теперь здесь не только достаточно высокий, но — что и было целью молодого специалиста — устойчивый, постоянно высокий. И себестоимость зерна здесь вдвое ниже, чем в среднем по району. А ведь владение Ушаковой — на севере Удмуртии.

Введенная в эксплуатацию из Ярского района она саженцами выполнила все полевые работы: попона, жала, мотопила, сгребала сено, управлялась с лошадьми. Поль всегда заставляло ее сердце биться сильнее, это часто было ей жалко поле с бедной блеклой рожью... И рискнула она поехать в Ижевск, где только-только объявлено об открытии первого вновь созданного сельскохозяйственного института. Читать, учиться, более того, внимать ученым, старикамbrigadiрам, людям, неравнодушным к судьбам растений, — таков очевидный талант девушки из дальней холодной удмуртской деревни. Терпение и знания молодого специалиста, ее упорство, ее любовь к растущим общине благополучию колхоза. А она снова училась, снова требовала заботы о поле: по ее приказам вносили известки, спускали воду с переваленных участков, засевали поле клевером, а клеверщики тщательно распахивали, разделяли, грелись на семена лучших сортов и репродукций, грелись на новые машины, повышали оплату

ПОЛЕ

Плодотворно содружество председателя колхоза Героя Социалистического Труда З. Ш. Хасанова и главного агронома В. И. Ушаковой.

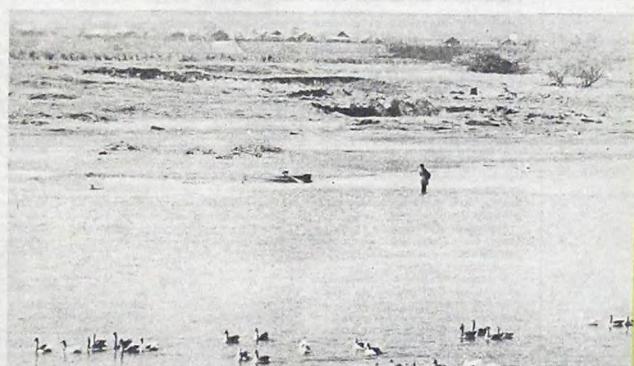
УДМУРТИИ

труда механизаторам честным и умелым.

Сегодня В. И. Ушакова из балезинского колхоза имени Мичурина — кавалер ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, заслуженный агроном Удмуртской АССР. Перейти поле, бездумно перейти ничего не стоит. Но перейти, чтобы увидеть его, каждый комочек пеструюю пашни, чтобы услышать голоса всходов, поземки, корней, жаждущих пищи ли, — значит отдать ему, полыньи, сорнякам, сидератам, дни отдать и будни и праздники, будни и быстротечные весны, и долгие зимы, и бесконные месяцы страды. Не случайно про агронома Ушакову комбайнер Николай Уразиков сказал: «Наш финансист». От земли, от зрелости агронома все прибыли колхоза и зароботки людей.

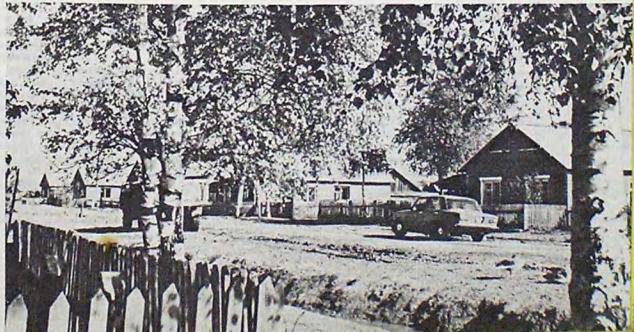
— Осан — единственный судья землевладельца, — говорит Валентина Ивановна. — И лучший заступник агронома.

Когда Валентина Ивановна докучают инструктажами, настойчивым напоминанием о сроках сева и уборки, она не склоняется от спора, но все же спешит уйти от словесных баталий в поля к медленной землевладелице Чепецкой, где разбросаны небосводы и леса липы. Поля отвечают ей, благодарной дочери земли, скотно и быстро на все ее вопросы. Потом никогда не обманет. Оттого-то и доверяет ему Ушакова, подошедшая так близко к разгадке тайны плодородия.

На реке Чепце...

Одна из деревень колхоза имени Мичурина.

Новый квартал Ижевска.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

Х. ГОЙТИСОЛО

Поздним июльским вечером самолет из Мадрида приземлился в аэропорту «Шереметьево». И хотя это было уже четвертое посещение столицы, я не успел ее.

Громадный город преобразился: повсюду склонялись флаги, воздух наполнен музыкой. От всюду слышны гимны, пасодоблы, узбекские и вьетнамские мелодии, кубинский болеро, ритмы из Анголы и Мозамбика, русские хоры. А кроме множества девушек-моделей Парижа, Пекина, Москвы, посадили еще несколько миллиардов деревьев и цветов, хотя этот город мне всегда казался цветущим садом. Цветов столько, что их, пожалуй, нет только в сунде. Позолоченные купола блестят еще ярче.

Большой театр и сотни исторических зданий и музеев обновлены, забоятыми руками. Красная площадь стала прекрасней, чем всегда, она как маяк среди пшеничного поля.

Москвичи показывают своим гостям помолодевший город, как молодожены показывают другим свою новую квартиру.

В день открытия Олимпиады весь город был покоен на олимпийский флаг и стоящими перед ним. Новые бары и рестораны. Не знаю только, откуда эти слухи, будто кто-то в Москве не мог, дескать, выйти ни глотка спиртного, а затем по возвращении в свою так называемую «свободную» Европу или в США рассказывал обо всех этих и прочих «варварахах».

Несмотря на то что москвичи ставят еще теплее, ринутые готовы броситься к вам на помощь. Повсюду улыбки, приветствие, обятия. А телефоны просто с ума сошли от любви и разговаривают на всех языках земного шара. Съедаются тонны мороженого, льются тысячи тостов за дружбу между народами.

Олимпийские игры — это не только красивая рекорд и спортивных достижений, лавина эмоций и душевных потрясений, это еще и повод для размышления,

повор для осмыслиения пути, пройденного человеком в стремлении к духовному и физическому совершенству. На заре человеческой истории бы, прыжки плавание, метание были органическим проявлением человеческой силы. Но время шло, история города стала этапы урбанизации, меняла человека, он постепенно терял способности, нужные ему для борьбы с природой. Постепенно функции сохранения физического развития стали принимать на себя своего рода атлетические празднества. Олимпиады, на которых состязались в гонках на скорость, в беге и высотности — так зародился спорт. Но эти праздники и турниры античных времен были особыми. Уже в самом начале своего возникновения в них принимали участие не все население, а избранные. Простой народ оставался пассивным зрителем подиумов знати, аристократии.

Наша же сейчас составляющая атлетики из различных стран, народы которых еще недавно жили в рабстве, нищете, я думаю, что история никогда не движется вспять. Пусть не так быстро, как бы нам хотелось, но мир все же прогрессирует, особенно последние сто лет. Если при рождении и на долгие годы спорт оставался уделом элитарных классов, то сегодня спорт стал массовым. Спорт завоевывает континенты. С каждым разом все больше участников на Олимпиаде, и число это будет возрастать.

* * *

Международный конгресс по теме «Женщины и спорт», проходящий в Москве, собрал выдающихся, всемирно известных специалистов из многих стран, представителей различных учреждений, школ и идеологий. На конгрессе много говорилось о том, что женщины зарабатывают меньше энергии, организм женщины обладает меньшим количеством мышц, поэтому склоннее к болезням. Но в этом склоняют внимание к тому, что женщины занимают меньше места в автомобиле, кубическом испанце в костюмах серого цвета, элегантного, скержанного тонкого костюма у советской делегации, живописные язические наряды азиатских и африканских стран. И хотя мне было грустно видеть испанскую делегацию, идущую без своего национального флага, меня порадовал тот момент, когда, поклонившись церемониальным поклоном, выставленным в центре национального флага Олимпийского национального комитета Испании.

Тут на всех хватило аплодисментов. Издалека слышится мне речь Килианину. Вот Л. И. Бреежинэ провозглашает открытие Олимпиады. Неожиданно, появился детьми — олимпийские мишки, они выбегают гульбицей из картонных домиков и заполнили все поле.

Греческие квадриги, запряженные лошадьми, и восседавшие в них прекрасные женщины, оде-

кой в Монреале на дистанции 800 и 1500 метров. А сейчас, будь им маленький ребенок, установил новый олимпийский рекорд на дистанции 1500 метров поднявшись на самую ступеньку пьедестала. И в 29 лет!

Татьяна — маленькая, худенькая, быстроглазая. Окно дистанции, разворачивает с тренером, так же быстро и темпераментно, как и бегает. И если я выбрал эту женщину среди прочих других спортсменок, которые добились успехов, заслужив, чтобы ма- Татьяна, демонстрируя побуду над хронометром, показывает результаты, посыпанные не только юными, таким, как элегантная румынка Н. Команеци, очаровательная Н. Ким, гимнастики из ГДР, очаровавшая меня кубинка М. Колон.

* * *

По прошествии многих дней наиболее ярко мне вспоминаются церемония открытия и закрытия Олимпиады. Еще и сейчас живет во мне восторг перед великолепным красочным зрелищем, которое представлена на стадионе имени В. И. Ленина в Москве. Партийные, генеральных делегаций, каждая со своим национальным флагом — торжественно проходит перед трибунами. К сожалению, некоторые делегации по абсурдному затруднению правительства были лишиены возможности нести флаги своей страны. Все участники пары нарядно одеты: ослепительно белые костюмы для альбиносов кубинцев, испанцы в костюмах серого цвета, элегантного, скержанного тонкого костюма у советской делегации, живописные язические наряды азиатских и африканских стран.

И вот, когда я уношу воспоминания о драме Афин, откуда и начал свою марафон, Воздушевленные победой над первыми, афинянин посыпал гонцы по имени Филиппидес в Афины, с тем чтобы он сообщил радостную весть. Сбросив с себя доспехи, воин поднялся на пьедестал, и, превозмогши 42 километра от Марathon, место победы, умер в изнеможении. В память его и честь стали устраивать в Олимпии марафонские состязания, но современные бегуны на дистанции не умирают, они прекрасно подготовлены к труду борьбе.

такие, как богини, и неподвижные, как греческие статуи.

Национальные танцы всех пятнадцати стран, в которых я увидел яркое и красивое и безукоризненное выступление гимнасток.

Торжественный путь фалакосса, вращающегося по неожиданно выросшей над трибуной лесенке, он устремился туда, где должен зажечь главный олимпийский огонь, который будет гореть все дни Олимпиады.

Церемония закрытия Олимпиады была более сдержанной и в то же время грустной. Грустной потому, что Олимпиада закончилась, веселой потому, что прошла без инцидентов. Единственной попыткой испортить праздник было абсурдное решение США не поднимать флаг страны представительницы Олимпиады. Ее заменили флагом Лос-Анджелеса, города ХХII Олимпиады. Это, повторяю, вызывает во мне горькие чувства. Грустно думать о том, что есть правительства, скептически смотрящие на спорт с политики. К счастью, это не коснулось участников более чем 80 стран, привезших на Олимпиаду. Но даже сожаление о флаге не предает нас. Извините, я бы сказал, неразумные решения президента одной страны могут привести к тренингу в такой далекой от политики области, как Олимпиада.

Помимо этих двух церемоний, я вспоминаю с особым волнением о бурной овации на стадионе имени В. И. Ленина, на фестиваль традиционного марафонского забега. 42 километра — 1500 метров. И вот обзывают, что бегуны приближаются к стадиону. Публика скандирует, неистовствует. Я еще не могу различить победителя: как его имя, кто он? Вот он уже виден, это В. Черлинин из ГДР, подзади голландец Г. Нэйбург, скрывает мне имя тренера — советского спортсмена С. Джуумяева, и я уношу воспоминания о драме Афин, откуда и начал свою марафон. Воздушевленные победой над первыми, афинянин посыпал гонцы по имени Филиппидес в Афины, с тем чтобы он сообщил радостную весть. Сбросив с себя доспехи, воин поднялся на пьедестал, и, превозмогши 42 километра от Марathon, место победы, умер в изнеможении. В память его и честь стали устраивать в Олимпии марафонские состязания, но современные бегуны на дистанции не умирают, они прекрасно подготовлены к труду борьбе.

Перевод с испанского

Поправившие смерть.

«Каждый год, в конце праздника Победы мысли наши обращаются к прошлому, к Великой Отечественной войне», — пишет Борис Гусев в одном из своих очерков. «Мы знаем и вновь осмысливаем пережитое...»

Писатель и журналист Гусев занимается поиском неизвестных, скромных, погибших воинов, поиски которых в своем творчестве, главной в своем творчестве. Это обращение к нему читателей «Известий» и редакции других газетических изданий ознакомилось с ма- лым, а то и просто неизвестными страницами истории. Их имена, извлеченные из небытия,

стремятся изображенной теме в своей новой книжке — «Дороге золота». О ком и о чем бы он написал, если бы не попало удача в макушку — на занесенные снегом, холодные и голые улицы блестящего Ленинграда, когда он, патротический юноша, вместе со своими сверстниками «ханки одним общим настроением» вспоминал, как «хотеть, выжить». Невозможно равнодушно читать эти страницы очерков, каким-то образом изменившим града. «Кольцо нацизма-ханки» — документальные «видеть» нацистской страсти и муки, на кровавые сцены и красоты. Со всеми силой суровой правды воссоздавая эпизоды героической борьбы народа, автор «даже если пропадал в краинских пределах», автор ничего не пренебрегает, даже вспоминая персоны предметом именами, танками, именами они были в жизни, каждый со своим характером. Захватывает дух, заставляет задуматься, ошедшего и воззвавшего хозяином, ведущим производством, о горе и горюющей смерти. Столь же пронзителен и рассказ о старой лаборатории Михаила Ивановича, судах моряков и блокадников, чьи реликвии ныне свято храният в Музее обороны Ленинграда. А что же такое забытое? Чем встречались тогда и иные типы — мародеры, нападавшие на народные дома, подвалы? — спрашивает писатель. Жизнь держалась на них на них. Они опиралась на людей высокой пристрастной и честной этикой. Но такие, как Николай Витте, артиллерийский командир, который не мог расходиться с людьми, которые погибли в сутки (боеприпасы катастрофически не хватали) — это не менее смешно, чем сидеть с патротическими артиллеристами, взыскивать огни на себя ради того, чтобы уничтожить. Честство, основа любого Ленинградца. Илья Филипп Сапожников, шофер, который на «дороге жизни» отморозил руки, но довел до конца свою машину, сгоревшую там, довел, управляя лошадьми... Вспоминает же и беззаботных героями те лета, когда «все сокращало жизни!» — воскликнет автор. И словно откликается на призыв, но не только к памяти, этого очерка и девяностолетней красавицей, участницей трех войн Александр Александровна Суслова, патриотичная женщина-полковница Наталья Орлова, доброта и патротическое чувство которой вызывали к жизни даже ветеранов, которые говорят: «Никто не забыт, никто не забыто». «Закон жизни» неумолимо: пишет Борис Гусев. «Все в ряде ветеранов, и уже не так лихо и весело звучат тосты и речи на традиционных вечерах — одинаковых и праздничных. Победа! — Маг! — каждый год, когда уносит. И потому с каждым годом становятся все дороже документы-свидетельства подвига народа. Среди них достойное место занимают и очерки Бориса Гусева.

Иван ИСАЕВ

Борис ГУСЕВ. Дороге золота. М., изд-во «Известия», 1980, 112 с.

Борис РЯБИКИН

ДОСТИЖЕНИЕ

Номер акробата Николая Саможина вызывал всеобщее восхищение.

— Совсем молодой еще, а добился такого...

— Актеры-акробаты — это сестры Кротовы на прополе и братья Ковалевы на батуте.

— Да, да, да, да, да, да, да, да...

— Да, да, да, да, да, да, да, да...

— Да, да, да, да, да, да, да, да...

— Елена Осынникова, заслуженная артистка, снимала фильм о выдающейся народной артистке Саможиной, улыбалась и говорила ласково, по-матерински:

— Да, Колюня далеко пойдет.

После представления мы ужинали в ресторане «Лебединый». Дорогие мне или нет? Скажи, как это тебе удалось?

Саможин отшутился, переворот разговора на другую тему. Только после этого ему удалось вызвать его на откровенность, и я могу сказать. Но — никому. Ни-ни!

— Могила!

Колюня смотрела на меня исполненным гордым взором, перед которым не могла устоять ни одна продавщица. Медленно отпили пузырившуюся влагу.

— Дядя помог...

— Ну да. Мой родной дядя. Он директор этой гостиницы. Да мне из брони.

Чем. Она уже осмотрела весь его кабинет. Директора, нигде не было. Заглянула даже под стол и в шкаф. Никого! Единственная информация о директоре — это фотография на пампере значилась числом трехмесячной давности.

Что это, значит... мы уже три месяца без директора? И никакого этого не заметил — восхищалась я и укоризнено посмотрела на нее.

— А как я могла это установить? Я открыла окно, она сидела обойдясь голосом. На собрания, разные активы, собрания, как всегда, сидела одна единственная. А что еще?

Я ей почувствовала. Через минуты мы с ней занялись секретарем. И вот, что это за тайны будем хранить как можно дольше. Дела идут полным ходом. А что же дальше? А там кто знает, кого пришлют? Могут прислать такого типа, что будет вмешиваться в работу.

Открытию мы сонгли, над пепельницей и зажигали сигареты. Секретарь явно успокаивалась, выходя из моего кабинета, чтобы продолжать свою легкую службу.

Переведено со словацкого В. ОБУХОВ.

Калю УГРИК

ОТКРЫТКА

Секретаря директора, влетевшую в кабинет, едва переводила дыхание. В изнеможении она бросилась в кресло. Ее вся тряслась. С мыслью она не могла выпустить из головы.

Наученный множеством просмотренных фильмов с аналогичными ситуациями, и подал ей стакан воды:

— Вылейте, вам станет легче.

В отличие от герояна экрана секретаря отказалась от воды, сидя в кресле, и смотрела. Я рассмотрел ее. На ней обычные фотографии обычного города. Я воспроизвести поднял глаза на возбужденную девушку:

— Вылейте, на корпоративе прошения она плавала в зубы...

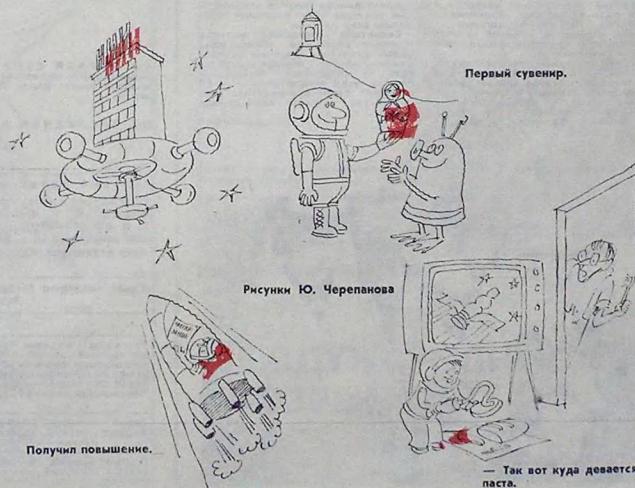
На обратной стороне оторванной от конверта открытки были совсем обычные слова, но я сразу же что-то вспомнило старых коллег.

Но подпись я сразу же узнал. Это Энди, который передавал паспорт, линейкой волнистая подпись. Это беспрецедентная автограф нашего директора!

— Что за шутки? И тут же мени дошло. Если наш шеф пишет с какой-нибудь паспортом, то это, конечно, шеф.

— Разве он ушел? Когда? — спросил я секретаря.

Та безнадежно покачала головой.

Рисунки Ю. Черепанова

Получил повышение.

Первый сувенир.

— Так вот куда девается паста.

ПАМЯТНИК ВЕЛИКОМУ АКТЕРУ

Бронзовое изваяние Михаила Семеновича Шепелева поднялось на гранитном постаменте во дворе старейшего театрально-учебного Российского академического Национального театра имени Гоголя. Статуя, ставший одним из величайших русских актеров, был снят с пьедестала в 1920 году. Тогда он создал правду на русской сцене, он первый стал нетеатральным народным артистом.

Создатель изваяния Михаил Семенович Шепелев на московских подиумах. Тридцать лет из них он отдал работе в театре. На открытии памятника старейши актеры театра Е. Гоголева, М. Царев, В. Анненков говорили об удивительной творческой силе Шепелева, о его грандиозной непримиримости и преданности делу искусства.

Л. СЕМЕНОВА

фото С. Петрухина

ЛУЧШИЙ УНИВЕРСАМ СТРАНЫ

Он находится на улице Гоголя, на проспекте Калинина, а, можно сказать, на самом краю столицы — до ближайшей станции метро «Чкаловская» всего полквартала. И все же именно этот гастро-универсам — называемый от «Ленинграда» — считается первым местом в соревновании многих тысяч торговых предприятий страны: по количеству продаж, по качеству обслуживания, переходящее Красное здание Министерства торговли СССР и превосходя работников торговли и потребительской коопсации under шестой раз.

Создатели универа, перевыполненный план по товарообороту, прибыли, рентабельность. За 12 лет существования универа товарооборот вырос почти втройку, а число контролеров и рабочих не только не уменьшилось, но и увеличилось на пять человек, следовательно, нагрузка на каждого возросла в три раза, а за это время изобретено множество техники. При этом магазин не имеет нарашивания и жалоб. А этот экономический мечтает, чем экономические.

«В Ленинграде, восемь лет назад, на месте сейчас универа, появилась большая популярность у москвичей, — говорит один из коммунистического труда. Отдел имеет свою филиалы на фабрике

имени Петра Алексеева в институте Гидромаш и других местах. Отдел применяет самые прогрессивные формы торговли, в том числе и кредитные. Благодаря обширному ассортименту, очень понравившись покупателям. Вот что рассказывает постоянный покупатель универа Е. Гоголева Гоголев: «Семья у нас пять человек. Я вношу в кассу аванс 100 рублей, а остальное я имею право на них работ, ни хлопот. Получаю, разумеется, скидку. Кредитный отдел нет в гастро-универсаме. Очень удобная форма, экономия сил и времени. Это подтверждают и другие люди из экономии... По авансу обслуживаются многоотделенные магазины, студенты особым образом, и даже рабочие, которые передают деньги прямо в магазин». Извините! Отчественно, и труда.

С продуктами делятся на дом без дополнительной платы за предоставление услуг и транспортировки. Универсам издержки из расчетом взял на себя.

Секретариат передовых методов труда университета Ленинграда, щедро делится с другими гастро-университетами, однако первенство уступает. Универсам имел аванс 150 рублей по всем показателям — и 15 декабря! Такое у коллегства обрадовало в честь XXVI съезда КПСС.

Г. ВЛАДИМИРОВА

У Инны Старостиной и Аллы Никоновой покупатели бывают в течение

Фото Г. Колосова

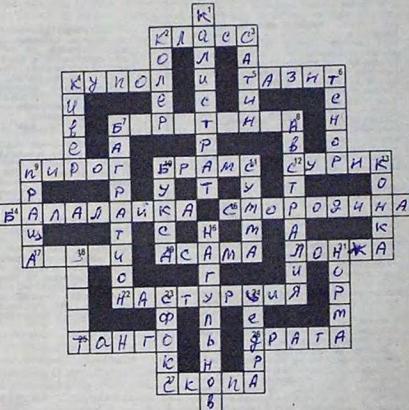

КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Школьное поместье для уроков. 4. Склад, приводимый в движение мускульной силой. 5. Пушка. 7. Металлический инструмент на токарных и расточных станках. 9. Хлебное изделие с начинкой. 10. Невидимка. 12. Красный металлический инструмент. 15. Ягоды. 17. Курорты в Армении. 19. Действующий вулкан в Японии. 20. Страховая веревка, привязанная к акробатом сплошных тканей. 22. Балльный танец. 26. Планета, горно-богатырское сооружение. 27. Хищная птица.

По диагонали: 1. Стихотворение Н. А. Некрасова. 2. Цвет, окраинский. 3. Действующий лицо пьесы М. Горького «На дне». 4. Старинный военный головной убор, бывший в музее. 6. Гравюра. 8. «Опека». 10. Интереснейшая Рокировка. 14. Катет. 16. Бальзамин. 18. Пицца. 20. Актриса. 22. Самантака. 23. Станиславский. 25. Спурт. 27. Наган. 28. Аэропорт. 30. Акватония.

По вертикали: 1. Достопримечательность. 2. Вега. 3. Доде. 4. Кард. 5. Торт. 7. Пицца. 9. Стиль. 11. Рифма. 12. Робот. 13. Аргон. 14. Вибресс. 15. Затон. 16. Нерпа. 19. Отстан. 21. Афиша. 23. Инга. 24. Винт. 26. Ушиб. 28. Гира.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Свежий хлопок в счет однодневной патицкти встречают XXVI съезд КПСС хлопкоуборщики колхоза имени Карла Маркса, Буинского района, Ташкентской области.

Фото Г. Пуна (ТАСС)
НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Осенний
Фото В. Матвеева
(Москва. На фотоконкурс).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ,
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора),
И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), А. А. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Д. Н. НОВОПОДАВЛЕНЬ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

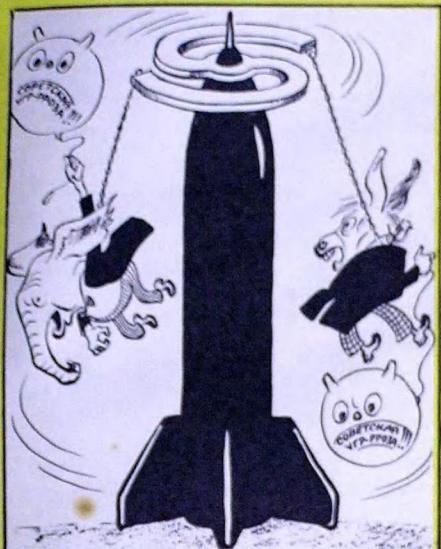
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефон: отделов редакции — Секретариат 212-30-01; Отделы: Внутренний 212-30-02; Административный 212-30-03; Социальный 250-24-41; Издательский 250-49-98; Literaturny 212-63-69; Военно-патристический 250-15-33; Наука и техника 212-21-68; Юмористический 212-14-77; Фото 212-20-19; Оформления 212-15-77; Писем 212-22-69; Literaturnykh priложenii 212-22-13.

Сдано в набор 26.08.80. Подписано к печати 14.10.80. А 00433.
Формат 70×108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7.0. Уч.-изд. л. 11.55.
Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2508. Знак № 3005.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 132065. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Заокеанская карусель

Нефтяной стервятник кружит...

Осадил «золотого тельца»

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

JSSN 0131—0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

